

Ветвь яблони

пьеса из светской жизни в трёх действиях

Действующие лица

ГЕРТРУДА Аренхейм.

ХЕЛЕНА Гейтс.

Подполковник Фридрих МОДЛЬ.

ДЕВУШКА.

**Действие происходит в течение одного дня
в одном гостиничном номере.**

Действие первое

Кабинет гостиничного номера на две персоны. Шёлковые занавески с кистями на окне и дверях. Одна дверь ведёт в спальню, другая — двустворчатая — дубовая, выходит в коридор. Номер чисто прибран, но чувствуется, что здесь живут не первый день. Серебряный поднос с письмами и чернильница отодвинуты на край небольшого письменного стола, занятого почти целиком громоздкой печатной машинкой. В камине гудят синие язычки газового пламени, небольшой чемодан, не дорожный, а лёгкий, фибровый, поставлен у самого окна и прикрыт свёрнутым пледом.

ХЕЛЕНА ГЕЙТС, женщина лет двадцати, сидящая у стола, видимо, только что завершила печатание на машинке и теперь перечитывает письмо. Одежда на ней недешёвая, но довольно строгого покроя, белый воротничок придаёт ей сходство с гувернанткой или домоправительницей.

Слышится лёгкий звон колокольчика, и быстрый взгляд чёрных выразительных глаз женщины мгновенно обегает обстановку номера, словно проверяя, всё ли в полном порядке, а затем оборачивается ко входной двери в ожидании.

Входит ГЕРТРУДА АРЕНХЕЙМ. Она заметно старше ХЕЛЕНЫ и далеко не так привлекательна: ниже ростом и полнее. На её небольшом носике задорно поблёскивает золотая оправа круглых очков, и весь вид её составляет удивительное сочетание склонной к иронии женщины средних лет и воспитанницы пансиона, только мечтающей о светском блеске и победах. На ней вечернее платье, а шелковый шарф она несёт в руке.

ХЕЛЕНА. Доброго вам утра, Гертруда.

ГЕРТРУДА *(растроганно)*. Дорогая моя девочка... *(Прислушавшись к сказанному.)* У меня хриплый голос?

ХЕЛЕНА. Нет. Такой, как всегда.

ГЕРТРУДА (*с игривой улыбкой*). Очень жаль. (*Широким жестом кидает шарф в кресло, наблюдая, как он медленно падает, говорит и сама вслушивается в звучание своих слов.*) Я не ночевала в отеле, куда отвезли с вокзала мой багаж... Я пила шампанское. (*Припомнив.*) Последний бокал часов в пять утра. Греховная и радостная суета. (*Шарф не долетел. ХЕЛЕНА подбирает его и аккуратно складывает.*) Моя тётка говорила, что именно так проводят время мужчины, когда оказываются в Швейцарии. Оставляют багаж в маленьком отеле, но никогда не ночуют в своём номере.

ХЕЛЕНА (*тактично*). Вероятно, вас пригласили в гости на званном ужине.

ГЕРТРУДА. Тебе следовало остаться.

ХЕЛЕНА. Я решила подняться в номер и распаковать багаж. Я сильно устала вчера.

ГЕРТРУДА (*кивает*). Тебе повезло, ты могла сбежать. Речь этого старика была невыносимо скучной, но поскольку он говорил обо мне, уйти было нельзя. От нечего делать рассматривала руки мужчин, сидящих за столом. Дивный способ угадать характер человека. (*Обхватывает пальцами правой руки браслет на левой и покручивает.*) Запястья... А старик всё болтал, всё приветствовал... Кто он тут? Бургомистр? Штатгальтер?

ХЕЛЕНА. Я бы по привычке назвала его мэром. Впрочем, я могу ошибиться.

ГЕРТРУДА. Ты — не можешь, Хелена. Если ты и ошибаешься иногда, то лишь из чувства такта. Как и положено секретарю твоей квалификации.

ХЕЛЕНА. Благодарю вас, Гертруда.

ГЕРТРУДА (*чуть грустно*). Ты ни о чём не спрашиваешь. А ведь мне хочется рассказать, ты женщина, и ты понимаешь это. (*Усмехается.*) Ему всего лет двадцать. У него прекрасная кожа на руках. Аристократичная.

ХЕЛЕНА. Я полагаю, в этой стране нет родовых аристократов.

ГЕРТРУДА (*вздыхнув*). Они все тут купцы. Вот все эти утончённые дамочки в жемчугах и щёголи с моноклями, что кричали на вокзале...

ХЕЛЕНА (*уловив паузу, продолжает*). «Приветствуем Гертруду Аренхейм!».

ГЕРТРУДА. Я становлюсь тщеславной?

ХЕЛЕНА. Я этого не замечала, Гертруда.

ГЕРТРУДА. Он сказал, что прочёл все мои книги. Этот мальчик. Я не поверила, и тогда он пригласил меня удостовериться в этом лично. Его родители умерли, а сам он унаследовал роскошный дом и долю в предприятиях семьи.

ХЕЛЕНА. Тоже своего рода аристократия. Как зовут этого джентльмена?

ГЕРТРУДА (*улыбается*). Я не спросила. Тётка говорила, что когда предаются распутству, имени не спрашивают. Надеюсь, на твою скромность я могу положиться?

ХЕЛЕНА (*невозмутимо и вежливо*). Вчера после переезда и званого ужина я сильно устала. Но прекрасно выспалась в номере. А вы всё это время осматривали город?

ГЕРТРУДА *(вдумавшись в вопрос, решительно кивнула)*. Верно... И репортёры не получают иного ответа! Я осматривала город... Всю ночь... *(Прикрывает глаза, глубоко вдыхает и тут же говорит просто.)* Мне нужно умыться и кофе. Где моя комната?

ХЕЛЕНА. Не поспите ли хотя бы два часа, Гертруда?

ГЕРТРУДА. Нет. Кофе и прилежание — единственные друзья писателя, известного всей Европе. Уже половина одиннадцатого. А выпалась я неплохо... *(Хочет пройти в спальню.)*

ХЕЛЕНА *(в руках у неё два конверта)*. Гертруда...

ГЕРТРУДА. Почта? Нет ли газет?

ХЕЛЕНА. Только вчерашние, вечерние. Экспресс привозит их в десять утра. Сегодняшние утренние придут с поездом в четверть второго. А эти два письма доставлены ещё вчера и ожидали вас в номере.

ГЕРТРУДА. Ведь ты уже составила ответы? Я полностью тебе доверяю во всём, что касается общения с прессой. Я подпишу, когда стану пить кофе. *(Снова хочет уйти.)*

ХЕЛЕНА. На это письмо ответа пока нет. Я не открывала этого конверта.

ГЕРТРУДА АРЕНХЕЙМ останавливается. Улыбка пропадает с её лица, но совсем ненадолго. Подойдя к столу, она молча протягивает руку сначала за письмом, потом за ножом для конвертов.

ГЕРТРУДА. Обратный адрес... Санаторий Кли... По другую сторону гор. Три часа на поезде. *(Извлекает письмо и читает, очень недолго. Решительно говорит.)* Хелена, я продиктую.

ХЕЛЕНА достаёт блокнот для стенографии и карандаш.

«Дорогой друг. Вы, безусловно, оказали мне большую честь, сейчас, столько лет спустя после нашего знакомства, предлагая...» Нет, Хелена, этот лист порви. Эпиграф:

***Ветвь яблони, расцветшая в мороз.
Ты веришь солнцу, солнце ярко светит,
Ты гибнешь в цвете, в ярком белом свете,
Но ты милее всех июньских роз.***

Ниже, с новой строки, Хелена. «Дорогой друг. Эти стихи — плохие стихи — вы написали однажды, много лет назад, в мой альбом. Вы великий художник, но вы не поэт. Теперь вы обращаетесь ко мне в прозе, и отвечаю я вам также...»

Нет, Хелена. Выбрось это всё в корзину. Напечатай внизу листа подпись Гертруды Аренхейм. Наверху приличное случаю обращение. Скажем, так: «Самому знаменитому пациенту санатория в местечке Кли». «Всемирно известному художнику...» «Забытому миром гению...» Выбери что-то подходящее к масштабу личности этого мужчины.

ХЕЛЕНА. Письмо вы напишете сами?

ГЕРТРУДА. Нет. (*Подумав.*) Собственно, это может сойти и за ответ. Да, пожалуй, этого будет довольно. Лучше стихов и пустопорожних фраз. Напечатай «нет» и отправь по обратному адресу.

ХЕЛЕНА (*понимающе*). Хорошо. Но не слишком ли?..

ГЕРТРУДА. Жестоко? Нет. Это было бы жестоко, будь я по-прежнему безвестной девчонкой, у которой вместо успеха и таланта только молодость и немного внешней привлекательности. Будь он по-прежнему человеком, чьё имя не сходит со страниц газет и с уст восторженной толпы. Вот тогда мой отказ звучал бы кокетством, тогда можно было бы предполо-

жить, что я требую какую-то цену за внимание к себе. Женщина — от мужчины, ничтожество — от гения. Но всё поменялось! Моя молодость прошла, а его гениальность потускнела. Теперь мы просто два человека, добившихся некоторой известности. Гертруда Аренхейм вполне может отказать в переписке и в визите своему бывшему наставнику и рекомендателю.

ХЕЛЕНА (*уточняет*). Не слишком ли просто? (*Отвечая на немой вопрос нанимательницы.*) Вы знаете этого человека гораздо лучше, чем я. Да, он художник, возможно, был великим художником. Но разве вне своего искусства он делает хоть что-то без выгоды, по велению души? Он знает, что вы не желаете с ним иметь ничего общего. И вот он дожидается вчерашнего дня. Дня, когда вы начинаете поездку по Европе, поездку, где в каждом городе на вокзале вас будет приветствовать толпа восторженных поклонников. И вот он пишет письмо, полагаю, трогательное письмо, где сообщает, что стар, болен, слаб и нуждается в вашем сочувствии, как нуждался некогда в вашей любви и восторге.

ГЕРТРУДА (*показывая конверт*). Не совсем так, но...

ХЕЛЕНА. Вы знали его как художника и как купца, понимающего цену своим творениям. Он всех заставляет платить по счетам. Когда-то мир знал о Гертруде Аренхейм только потому, что вы исполняли у него обязанности секретаря. Теперь он желает, чтобы мир вспомнил, что известная писательница Гертруда Аренхейм некогда была его секретарём.

ГЕРТРУДА. Разве профессия секретаря зазорна, Хелена? Я не скрываю, что служила секретарём. Просто это было давно.

ХЕЛЕНА. Если вы ответите «нет», завтра же европейские газеты опубликуют его письмо рядом с вашим ответом. Вас обвинят в жестокости, неблагодарности, беспамятстве...

ГЕРТРУДА (*резко перебивает*). Беспамятство означает «обмок», Хелена! Не путайте значения слов! (*Чуть спокойнее.*) Пусть обвиняют. Скандала нельзя избежать, но его можно использовать в своих интересах. Прошлое нельзя забыть, но о нём можно не думать. Этот человек не сможет сделать теперь ничего, что поменяло бы мои намерения или хотя бы настроение. Понимаете, Гертруда? Ничего! Что бы ни написали газеты — я известная писательница, совершаю путешествие по Европе и пила шампанское сегодня в пять утра! И также собираюсь повторять это впредь, когда мне захочется!

Выходит.

ХЕЛЕНА остается одна. Она аккуратно надписывает конверт, запечатывает его.

Подойдя к медному столику в углу, зажигает спиртовку. И только потом, подобрав со стола скомканные листы, аккуратно расправляет их. Снова звенит колокольчик.

ХЕЛЕНА прячет бумаги.

Входная дверь открывается. На вошедшем офицерская форма, на груди тускло поблёскивает орден. Он высок, худощав, средних лет и держит в руке небольшой предмет, завернутый в синий креп.

ГОСТЬ. Прошу прощения... В этих швейцарских гостиницах не принято...

По всему видно, что ПОДПОЛКОВНИКУ ФРИДРИХУ МОДЛЮ привычнее вести разговор в холле гостиницы, а скорее в её ресторане, чем в одном из номеров.

Начав свою речь развязным тоном хорошего знакомого, не нуждающегося в приветствиях, он совершенно теряется, увидев молодую женщину.

ХЕЛЕНА. Боюсь, вам придется немного подождать, подполковник Модль. И позвольте пожелать вам доброго дня.

МОДЛЬ. Прошу прощения... (*секундная заминка*) мадемуазель...

ХЕЛЕНА. Хелена Гейтс. Можете называть меня фройляйн, или даже мисс, если угодно. Но Гертруда непременно захочет, чтобы вы обращались ко мне по имени, подполковник.

ХЕЛЕНА говорит без всякой рисовки, скорее ей свойственна привычка предугадывать слова собеседника и отвечать на ещё не заданные вопросы.

МОДЛЬ. Вам известны мои имя и звание?

ХЕЛЕНА. Вся переписка Гертруды проходит теперь через мои руки. Вся. К тому же, моя нанимательница предполагала, что вы можете удостоить нас визитом именно здесь.

МОДЛЬ (*обрадовавшись возможности вернуться к незаконченной мысли*). В этих швейцарских гостиницах не принято докладывать о посетителях. Звенит звонок, и всё.

ХЕЛЕНА. Посетители здесь нечастые гости в это время года. Садитесь в кресло, вам тут будет удобно.

МОДЛЬ (*кресло ему низковато, и он не знает, вежливо ли будет положить сверток на письменный стол*). Помнится, Гертруда сетовала в письме на то, что нуждается в хорошей секретарше. Рад видеть, что она таковую нашла.

ХЕЛЕНА. Писателю в наши дни трудно обойтись без помощника, который займётся повседневной рутинной. Ведь она убивает его талант. Я владею стенографией и печатаю.

МОДЛЬ (*вежливо*). Ваша нанимательница ещё не проснулась?

ХЕЛЕНА, кажется, не слышит его, варит кофе на спиртовке. МОДЛЬ огляделся, пристроил свёрток на стол.

ХЕЛЕНА. Гертруда проснулась сегодня очень рано и успела осмотреть здешние красоты. Сейчас она готовится к своему вечернему выступлению. Работает над текстом. Она предвидит интерес слушателей.

МОДЛЬ (*весело*). Да, что-то необыкновенное. Я едва приобрёл

билет на поезд, которым прибыл. В купе заняты все места, как будто едешь вторым классом из Познани в Бреслау. Только вот каждый пассажир в этом купе знает имя Гертруды Аренхейм!

ХЕЛЕНА (*повторяет слышанное ранее*). «Утончённые дамочки и щёголи с моноклями»?

МОДЛЬ (*подхватывает*). И газетчики! Куда же без них? Сегодня они испишут свои блокноты от доски до доски! (*Задумался.*) Я не извещал Гертруду о том, что прибуду сегодня. Вы утверждаете, что она ждала?

ХЕЛЕНА. Вы заезжали в санаторий по ту сторону гор. Ваш наниматель, даже находясь на лечении, не может долго обходиться без услуг своего лучшего друга.

МОДЛЬ (*смутившись*). Я не уверен, что достоин его дружбы. Я служу ему верой и правдой, как всю жизнь служил, как вы служите своей нанимательнице. Вынужден это делать, с тех пор как Гертруда покинула нас. Уже несколько лет.

ХЕЛЕНА. Несколько лет вместе всегда превращают двух людей либо в друзей, либо во врагов. Ему стало лучше?

МОДЛЬ. Вчера у него опять шла горлом кровь...

ХЕЛЕНА. Значит, он очень болен?

МОДЛЬ. Он привык к болезни. Его ум и талант позволяют не замечать боли и не бояться завтрашнего дня. Как и всегда, он думает в первую очередь не о себе, а о других людях.

ХЕЛЕНА. Безусловно.

МОДЛЬ (*вдумавшись в ответ*). Вы не согласны?

ХЕЛЕНА (*пожав плечами*). Это общепризнанно. Мужчина-художник, композитор, философ тем и отличаются от простых смертных, что живут не для себя. Их работа существует отдельно от их поступков и характера. Мужчина может быть мизантропом, домашним деспотом, может убивать людей, но за урядным эгоистом он не является. Он живёт не для себя, а для других.

МОДЛЬ. И всё-таки вы со мной не согласны?

ХЕЛЕНА. Я с уважением отношусь к вашему работодателю. Вы, насколько мне известно, давно и искренне дружны с Гертрудой. Но всё-таки я женщина, а вы мужчина. И очевидно, на чьей стороне каждый из нас окажется в этом споре об искусстве.

МОДЛЬ (*широко и добродушно улыбается*). Тут у вас преимущество. В отличие от вас, я ничего не смыслю в искусстве.

ХЕЛЕНА. Разве?

МОДЛЬ (*махнув рукой*). Я назначаю цену за его картины! Чепуха! Так же я вёл интендантские счета в полку, пока не вышел в отставку. Патроны, обмундирование, фураж — вот что для меня все ваши произведения. Пф! Я не знаю, что такое гений. Но знаю, что такое друг. Что такое одарённый, сильный, надёжный человек.

ХЕЛЕНА. Всё же вы считаете его своим другом?

МОДЛЬ. Смею надеяться на это. (*Сжав пальцами руки другую, МОДЛЬ молчит некоторое время. Затем решительно, резким движением вскрывает материю упаковки, разворачивает свёрток, извлекая небольшую шкатулку.*) Мой друг просил меня передать прощальный подарок своей бывшей возлюбленной и помощнице Гертруде Аренхейм. Думаю, что могу спокойно

перепоручить это вам, фройляйн Гейтс. И пожелать доброго дня.

ХЕЛЕНА (*хладнокровно*). Она не примет подарок. Уверю вас.

МОДЛЬ. Она и об этом вас предупредила?

ХЕЛЕНА. Нет. Просто Гертруда не желает больше думать об этом человеке. Ей не нужны от него ни укоры, ни уверения в любви, ни великодушное прощение. Она может себе теперь это позволить. Таковы её собственные слова.

МОДЛЬ *неожиданно, хотя и печально улыбается.*

Я сказала что-то нелепое?

МОДЛЬ (*медленно, сам удивляясь своей внезапной откровенности*). Вы, наверное, знаете, что я вдовец. Женился давным-давно, ещё поручиком, на дочери горного инженера. Прекрасная свадьба, счастливый дом. Пока не оказалось, что Эльза ждёт малыша. Тогда и выяснилось, что ей больше ничего от меня не нужно. Ни укоры, ни любовь. Это казалось удивительно. Так удивительно, что почти не ранило... Мой сын умер двух недель от роду. И Эльза — сразу вслед за тем...

ХЕЛЕНА. Я вам сочувствую. Но вы неправы.

МОДЛЬ. В чём же?

ХЕЛЕНА. Вы и тысячи других подобных вам ценителей искусства и газетных сплетен рассуждают следующим образом. Девушка воспользовалась протекцией гения. Лишь благодаря ему стала вхожей в общество, получила признание и известность, а потом публично оскорбила его, разорвав отношения? Забрала всё, не возместив убытки, я верно излагаю?

МОДЛЬ *(поспешно)*. Я высоко ценю талант Гертруды. Я к ней искренне привязан.

ХЕЛЕНА. Не только Гертруда. О любой женщине вы думаете так, подполковник! «Моя потеря». «Моя бывшая любовь». «Моё творчество на благо других людей».

МОДЛЬ *(примирительно)*. Тут я чист перед вами. Я занимаюсь только чужим творчеством. *(Открыв шкатулку, достаёт небольшую безделушку, хрупкий предмет, тускло отблёскивающий серебром, нечто вроде ветки дерева, покрытой сверкающими цветами.)*

ХЕЛЕНА *(невольно замерла, разглядывая драгоценность)*. Ветвь яблони?

МОДЛЬ *(небрежно)*. Да, кажется, так он и назвал её. Врачи запрещают ему работать с красками, но золото и серебро сейчас как раз в моде.

ХЕЛЕНА. И в цене?

МОДЛЬ. Многие богатые женщины по обе стороны океана...

ХЕЛЕНА. ...Были бы счастливы заставить своих мужей заплатить за эту безделушку сколько угодно. Что же это, подполковник? Приданое? Выкуп? Взятка?

МОДЛЬ. Это подарок от чистого сердца, фройляйн. Не более и не менее.

ХЕЛЕНА. Чистое сердце? Вы полагаете, такое можно встретить в наш прагматичный век?

Их пикировку прерывает шелест дамского платья. ГЕРТРУДА АРЕНХЕЙМ успела не только переодеться, но и совершенно преобразилась. Теперь это почти девочка,

полная энергии, задора, вызова.

ГЕРТРУДА. Фридрих! Милый мой и смелый Фридрих! Как вам удалось найти нас?

МОДЛЬ. Здравствуйте, Гертруда. Я нашёл, потому что искал. Возможно, я не вовремя...

ГЕРТРУДА. Что за чепуха? Разве я вышла в пеньюаре? (*Смеется.*) В последнее время мне лучше работается по утрам, а поскольку вы не газетчик, не светская трещотка и не восторженный юнец, то Гертруда Аренхейм рада вам в любое время суток. В любое! Спасибо, Хелена, дорогая моя. Садитесь же, Фридрих! Хотите кофе? Откуда вы сейчас, из Женевы?

МОДЛЬ. Я прибыл из санатория Кли.

ГЕРТРУДА подходит к столу. Рассеянно смотрит на подарок.

ГЕРТРУДА. Вы благородный человек, Фридрих. Вы благородны и терпеливы. Я надеюсь, лечение в санатории понадобилось не лично вам? (*Пауза.*) Он поправляется, я полагаю?

МОДЛЬ. Он просил передать вам, Гертруда, что с ним всё в порядке. Я не могу воспроизвести форму речи людей, образованных лучше, чем я. Потому ограничусь содержанием.

ГЕРТРУДА. Хелена, милая, не сочтёшь ли ты за труд узнать в холле, нет ли свежих газет? Уже начало второго.

ХЕЛЕНА выходит.

Вы сердитесь на меня, и, конечно, справедливо. Я помню, как высоко вы цените дружбу. Я помню и многое другое. Только вчера я говорила Хелене, что, скорее всего, именно вы скоро

разыщите нас. Вам понравилась Хелена? По-моему, она чудесная...

МОДЛЬ. Я послан к вам с поручением, Гертруда.

ГЕРТРУДА. Постойте, Фридрих. Давайте сначала решим, по душе ли вам полученное поручение?

МОДЛЬ размышляет над ответом с добросовестностью отставного военного.

МОДЛЬ. Мне было непросто взяться за его выполнение. Но я нахожу поручение справедливым, и оно касается двух близких мне людей. Я буду рад выполнить его.

ГЕРТРУДА. Вы не сможете.

МОДЛЬ вздёргивает голову.

Я не выйду замуж за этого человека. Не вступлю с ним в переписку и не приму никаких его предложений. Я не считаю этого человека равным себе.

МОДЛЬ. Он предвидел подобный ответ, но это не помешает мне...

ГЕРТРУДА *(повелительно)*. Сначала послушайте, Фридрих! Сейчас вы начнёте повторять его слова о том, что он «заранее предвидел», «вполне понимает, и тем не менее...» Я слишком хорошо их знаю. Я ведь сама не раз выполняла его поручения, в те дни, когда ещё не существовало писательницы Гертруды Аренхейм, а только некрасивая, восторженная девушка, счастливая тем, что может быть полезной гению... Девушка была влюблена, опытный и прозорливый мужчина благородно отверг её любовь, и теперь, годы спустя, она наслаждается местью, как в сентиментальных романах прошлого. Так вы видите происходящее?

МОДЛЬ. Я вижу, что сейчас не время для этого разговора. Вам нужно готовиться к вечернему выступлению, а я отвлѣк вас...

ГЕРТРУДА. Ошибаетесь, подполковник! Это и есть тема моего сегодняшнего выступления. Мне не придётся опасаться вопросов газетчиков о моих отношениях с человеком, который отправил вас. Я расскажу сама! Расскажу о том, насколько благотворным для женщины может быть разочарование в мечтах, в идеалах. Слышите, Фридрих? Не злость, не ревность, не месть отвергнутой девушки! Разочарование! Как ребёнок, вырастая, понимает, что родители его вовсе не лучшие люди в мире, а всего лишь одни из многих, так и человек, женщина в наши дни постигает всю нелепость восторга и преклонения перед божеством гения. Боги умерли! И не так умерли, как на полотнах вашего друга, где тяжеловесные античные идолы подвергаются кровавым унижениям у позорного столба. Боги одряхлели и спрятались в дорогом санатории. И оттуда порой шлют телеграммы граду и миру — чтобы их не забывали.

МОДЛЬ. Вы говорите точно по книге.

ГЕРТРУДА. Это и есть книга! Новая книга Гертруды Аренхейм, которую, я уверена, вы скоро прочтѣте. Приходите сегодня вечером на мою лекцию, я расскажу об этом замысле!

МОДЛЬ (*встревоженно*). Вы действительно собираетесь рассказать всем историю вашего с ним знакомства?

ГЕРТРУДА (*со смехом*). Так ваш одарѣнный друг предвидел и это? И вы, наверно, считаете это непорядочным, Фридрих? Полагаете, что есть в жизни страницы, которые даже художник не имеет права выносить на суд публики? Чего ради нам с вами говорить экивоками? Скажите то слово, которое сейчас вертится у вас на языке! Подлость? Может быть даже, «женская подлость», как сказал бы ваш друг?

МОДЛЬ. Я... Не готов к такому вопросу.

ГЕРТРУДА. У меня есть причина быть откровенной с вами. Давайте начистоту. Я помогла вам высказать ваше обвинение, помогите и вы мне. Вы ведаете вопросами продажи полотен гения. Скажите, какая из его картин больше всего ценится музеями и частными коллекционерами?

МОДЛЬ (*рад вернуться на твёрдую почву*). Это зависит от множества условий...

ГЕРТРУДА. Начистоту, Фридрих! Какие из его картин вызывают больше всего споров, какие вызывают наибольшее возмущение и ханжей, и пуритан. Какие дороже стоят?

МОДЛЬ. «Яблоко греха»...

ГЕРТРУДА. Совершенно верно! Изящные, изысканные, безупречно точные изображения женских тел. Только тел, ибо художник милостиво скрыл краем холста изображение лица модели. «Самые безнравственные картины века». «Натюрморты с битой дичью», как называют их ненавистники талантливого художника.

МОДЛЬ. Они прекрасны.

ГЕРТРУДА (*торжествующе улыбается*). Почему вы так сказали?

МОДЛЬ. Я мало понимаю в живописи, но я ведь мужчина. Это очень красивые картины.

ГЕРТРУДА. Нет! Вы говорите так, поскольку убеждены, что на них изображена я! Так считаете вы и каждый, кто хоть немного интересовался личностью Гертруды Аренхейм, а не только читал мои книги. Конечно, это сплетня и ложь.

Любовь некрасивой девочки была отвергнута, и ни разу в жизни я не позировала обнажённой. «Яблоко греха» изображает распутных девиц из разных городов по обе стороны океана. Казалось бы, это легко заметить! Они разные, эти обнажённые тела! И тем не менее каждый, каждый, кто придёт слушать меня этим вечером, будет вспоминать эти отвратительные изображения, лишь только посмотрит на меня! Скажите, разве так уж безнравственно с моей стороны после всего этого рассказать действительную историю нашего знакомства и расставания?

МОДЛЬ. Вы имеете на это полное право. Но вы очень несправедливы. Вы ненавидите.

ГЕРТРУДА. Вовсе нет, я благодарна ему! Но не за то, за что, как вам кажется, должна благодарить. Он ничему не научил меня. Я выполняла скучную работу, ту же, что и вы сейчас, Фридрих: помогала устраивать практические дела и заботы, на которые у гения недостает времени и вдохновения. Выставки, салоны, газетные статьи... Именно тогда я почувствовала впервые страсть к слову, к формулировке мысли. Я ни с кем не делилась этим, ведь с некрасивой девочки должно быть довольно посмотреть одним глазком на волшебный, сказочный мир творчества. Там я и должна была оставаться, между небом и землёй. И всякий раз, когда я осмеливалась мечтать о большем...

МОДЛЬ. Гертруда. Вам не следует говорить сейчас. Вам будет неловко потом.

ГЕРТРУДА (*подбрасывает драгоценную брошь на ладони*). «Ветвь яблони!» Не позорная слава грешных полотен, а сверкающий сувенир, который можно прицепить на одежду, но который не выражает мысли. Цветущая ветвь яблони между солнечным светом его гениальности и ледяным холодом от мысли, что сама по себе я ничто... Он говорил это, говорил всякий раз, когда мне хотелось почувствовать себя молодой, полной сил. Он

ревновал меня больше, чем любовницу или жену, потому что модное платье считал признаком умственной деградации, а невинный флирт на приёме — изменой... Он меня и к вам ревновал, Фридрих!

МОДЛЬ. Гертруда!

ГЕРТРУДА. Но дело даже не в этом. Все это не убило бы моё восхищение гением. Хуже другое: вольно или невольно я поняла, насколько же гением быть легко.

МОДЛЬ, поднявшись из кресла, щёлкает каблуками, собираясь уйти.

Постойте-ка! Вы не сделаете этого, Фридрих. Это не вы сейчас отказываетесь слушать меня! Это он, в моей и вашей голове, велит нам молчать и не говорить того, чего он на самом деле заслуживает! И эта безделушка — свидетельство тому, что я говорю правду! Картины его принадлежат человечеству. Пусть они скандальны, пусть вызывают обмороки и припадки у одних и яростное восхищение у большинства. Но картины — это ещё не сам художник. И они не дают ему прав распоряжаться людьми! Говорил ли он вам, Фридрих, таким надтреснутым, словно бы не своим голосом: «У меня вчера опять шла горлом кровь»? Да или нет?

МОДЛЬ молчит.

Каждый год из этих прошедших он прощался со мной навсегда! Сначала я плакала. Я бросалась к нему и плакала так, что он сам не мог меня остановить. Я проклинала себя, я чувствовала, что не берегла наши с ним дни и часы. Я обещала никогда ни в чём не предавать его и себя, ведь я и вправду чувствовала себя предательницей. Такой же предательницей, какой вы готовы назвать меня сейчас, Фридрих!

МОДЛЬ. Гертруда, я клянусь вам...

ГЕРТРУДА. Но раз от раза я стала замечать, что сцена повторяется. Только объятия вашего друга, когда он обещал простить меня и постараться пожить ещё немного, эти объятия становились всё теснее, всё горячее. И знаете, никакого восторга я от этого уже не испытывала. Ведь он обнимал не меня, а ту девочку, которая предлагала ему свою любовь когда-то. А ею я уже не являлась.

МОДЛЬ берёт со стола серебряную ветвь, и ГЕРТРУДА замолкает.

МОДЛЬ. Он любит вас, Гертруда. Именно вас, и все эти годы. Раньше он чувствовал, что не может выдать своих чувств. Слишком велика была стена между вами — стена, разделяющая годы, страны, характеры. Но теперь он не может жить без вас.

ГЕРТРУДА. Он не может обходиться без меня, это вы хотели сказать?

МОДЛЬ. Я только повторяю то, что меня просили передать. Он любит вас.

ГЕРТРУДА (*глядя ему в глаза*). Вы сильный и смелый человек, подполковник Модль.

МОДЛЬ. Благодарю, Гертруда.

ГЕРТРУДА. Вы заботитесь о чувствах других людей, а о своих умалчиваете.

МОДЛЬ (*принуждённо улыбаясь*). Что вы, Гертруда. Я весь как на ладони.

ГЕРТРУДА. Это верно. С самого дня нашего с вами знакомства мне казалось, что я небезразлична вам. С годами возникла уверенность. Уверенность в ваших чувствах и в том, что вы никогда не скажете о них по доброй воле.

МОДЛЬ. Если и так, то лишь моя вина в том, что это было заметно. Так или иначе, не в моих правилах обсуждать личные переживания с женщиной, которой я, уверен, безразличен.

ГЕРТРУДА. Но он тоже знает о ваших чувствах, Фридрих. Он ревнивец. Он ревновал меня и вас. Меня потому, что я должна любить его. Вас потому, что вы должны быть ему верным другом. И вот он отправляет вас с поручением. Сегодня. Сюда! Этот утончённый художник и опытный знаток людей! В этом нет никакого смысла, ведь сегодня утром я уже читала в его письме всё, что он мог бы мне пообещать. Я ответила отказом и уничтожила его письмо, но он знает, что я прочитала его. И всё же он посылает сюда вас, своего друга, нашего верного рыцаря. Человека, тайно преданного мне. И предлагает вам от его имени признаться мне в любви, пасть на колени и вымолить благосклонность.

МОДЛЬ *(сухо)*. Вы ошиблись. Суть порученного мне совсем не в этом.

ГЕРТРУДА. Суть та же. Другой может быть разве что формулировка.

МОДЛЬ *(твёрдо)*. Фрау Аренхейм. Он находится при смерти. И я имею честь передать вам официальное уведомление о том, что по его завещанию вы становитесь наследницей всех движимых средств, находящихся в его распоряжении. А равно обладательницей всех прав на созданное им в течение жизни — его картины, скульптуры. Кроме того, он, признавая ваш литературный талант, удостоверяет ваше исключительное право на описание и изложение своей жизни, своего творческого пути, и отдельно — истории вашего с ним знакомства, при условии, что эта тема может вас заинтересовать. Он полностью доверяет вам память о своём земном существовании. *(МОДЛЬ берёт со стола открытую шкатулку, достаёт из неё лист бумаги и вручает её с поклоном ГЕРТРУДЕ.)* Это последний его подарок вам.

ГЕРТРУДА *(тихо)*. Это будет в сегодняшних газетах?

МОДЛЬ. Не думаю. Санаторий Кли не имеет телеграфной линии. А кроме меня, он никому не доверяет своих писем. Со мной он передал только эту шкатулку и это письмо вам.

ГЕРТРУДА. Значит, это шантаж.

МОДЛЬ. Простите?

ГЕРТРУДА. Разве не ясно? Он узнал, о чём я пишу свою новую книгу, о чём собираюсь рассказать. Он не может меня остановить. Но может сделать вид, что я всего лишь выполняю его указания. С его великодушного соизволения, данного на смертном одре!

МОДЛЬ. Он умирает...

ГЕРТРУДА *(протягивает на ладони сияющую камнями ветвь)*. Неплохая работа для умирающего! Фридрих! Не позволяйте этому человеку думать за вас, как он уже научился думать за всё человечество, читающее газеты! Он прислал вас не для того, чтобы вы меня уговорили, а для того, чтобы я знала — вы на его стороне, Фридрих, а не на моей!

МОДЛЬ *(хрипло)*. Гертруда. Я всегда буду на вашей стороне. Но неужели... Мне нужно делать выбор?

ГЕРТРУДА *(мягко)*. Фридрих... Мы оба с вами когда-то были молоды и полны надежд на счастье. Счастья мы не нашли, но нашли успех — каждый по-своему. Вы верны той присяге, которую принесли, такой уж вы человек. Вы не признаетесь в любви, если не уверены во взаимности. Вы не разорвёте контракт и не обсчитаете коллекционера картин. Вы верны своей дружбе. Я верна себе. Очень хорошо. Но возможно, наше счастье где-то в будущем. Когда он умрёт, вам незачем будет ис-

кать себе новую работу. Вы по-прежнему сможете продавать его картины. Если, конечно, завещание завтра же не будет изменено по его новой прихоти.

МОДЛЬ. Вы нанимаете меня в секретари, Гертруда?

ГЕРТРУДА. Для этого у меня есть Хелена. Вас я считаю другом. Может быть, единственным. *(Примеряет украшение к своему платью.)* Ветвь яблони... Как вы полагаете, это будет уместно нынче вечером на моём выступлении?

МОДЛЬ. Это очень красиво.

ГЕРТРУДА *(резко повернув голову)*. Как те картины?

МОДЛЬ *(решительно)*. Да!

ГЕРТРУДА нежно касается его рукава. МОДЛЬ отводит взгляд.

Вы... Вы, конечно, во всём правы. Но что, если всё же?.. Если вы не расскажете публике о новой книге? Вам нет нужды. Они всё равно будут в восторге только от того, что видят вас и слышат ваш голос. А я... Дождусь, пока ему станет чуть лучше... И доложу, что оставляю службу у него.

ГЕРТРУДА. А что же вы станете продавать, подполковник?

МОДЛЬ *(скупая улыбка)*. Стану ездить по Европе и слушать ваши лекции. *(Любуется блеском бриллиантов в её руках.)* Вы приняли подарок? Я смог вас хоть немного убедить?

ГЕРТРУДА *(улыбаясь в ответ)*. Нет...

С беззаботным видом ГЕРТРУДА разжимает пальцы. Золотая безделушка катится по паркету к ногам только что отворившей дверь ХЕЛЕНЫ. В руках у той неровно сложенная газета.

Подполковник Модль случайно уронил эту забавную веточку. Надеюсь, она не сломалась. Думаю, что ты сможешь найти... Что такое, Хелена? Ты бежала?

ХЕЛЕНА медленно опускает руку, и газета с огромным чёрным заголовком повисает, касаясь натёртого паркета.

ХЕЛЕНА. Он умер сегодня утром...

Занавес

Действие второе

Тот же кабинет гостиничного номера. ГЕРТРУДА АРЕНХЕЙМ сидит за письменным столом, опершись об него локтями и прикрыв обеими ладонями лицо. Медленно поднимает голову и смотрит перед собой, куда-то в пылающий камин. На груди её платья, слева, приколоты «ветвь яблони».

ГЕРТРУДА. Этот человек научил меня думать... *(Поднимается из-за стола и проходит на середину комнаты.)* Не сочинять книги. Он не был способен сочинить ничего, кроме пафосных писем о любви и плохих стихов. Не искусству — этому не учат. Но он научил восторженную девочку жить не эмоциями, а собственным умом. Это не принесло ей ни счастья, ни покоя. Способность мыслить сделала девочку злой, несчастной, обиженной на весь мир. И тогда мне пришлось взять в руки перо, чтобы ответить миру оскорблением на оскорбление. И теперь я понимаю — это не было случайно. Он так захотел. Мой дорогой друг.

Он умел жертвовать всем. Он мог изрезать в куски собственную картину ради того, чтобы на обрывках старого холста написать следующую. И конечно, он не ценил чувств — ни моих, ни собственных. Разум... Так не подходит это слово художнику, известному своими безумными выходками, своей непредсказуемой манерой и дерзкими нападками...

Дверь из коридора распахивается, на пороге появляется ХЕЛЕНА с корзиной цветов.

ХЕЛЕНА (*в замешательстве*). Прошу прощения, Гертруда. Я полагала, вы у себя в спальне.

ГЕРТРУДА. Мне нужно ходить. Чтобы представить себя на выступлении, мне нужно больше места. Что у вас в руках?

ХЕЛЕНА. Вам прислали цветы. Визитной карточки нет.

ГЕРТРУДА (*хмурится*). Это странно. Вряд ли Фридрих успел позаботиться о цветах?

ХЕЛЕНА. Господин подполковник всё ещё беседует с господином мэром, принимает от него соболезнования в связи с кончиной...

ГЕРТРУДА. Это просто счастье, что Фридрих приехал сегодня и взял на себя все скучные хлопоты. Но от кого же тогда?

ХЕЛЕНА. Любой из ваших поклонников, наводнивших гостиницу и окрестные кафе. (*Взглянув на письменный стол.*) Вы правите свою вечернюю речь?

ГЕРТРУДА (*нехотя*). Скорее, стараюсь придумать её заново.

ХЕЛЕНА (*поставив корзину, выдвигает ящик письменного стола*). Очень хорошо.

ГЕРТРУДА. Полагаешь, напрасно?

ХЕЛЕНА. Я не стала бы менять текст роли за два часа до выступления. Но у меня нет вашего опыта, Гертруда. И вашего таланта...

ГЕРТРУДА. Это не текст роли, Хелена. Я искренне сожалею. Я была по-своему привязана к этому человеку. Я хочу почтить его память.

ХЕЛЕНА. Вы хотите? Или вынуждены?

ГЕРТРУДА молчит.

Но я, кажется, забылась.

ГЕРТРУДА *(сухо)*. Нет, отчего же. Я собиралась рассказать в книге о себе самой. Этот человек — часть моей жизни. Я имею право сожалеть о нём, так же как имела право презирать его.

ХЕЛЕНА. Вы — безусловно. Но имеет ли он право на это? На вашу любовь?

ГЕРТРУДА *(вскинув брови)*. Любовь?

ХЕЛЕНА. Сейчас вы любите его! Не как мужчину, не как гениального учителя. Как бедняк любят пьяницу отца — того, кто давно бросил семью, доведённую до нищеты, и вот представился в приюте для бродяг. И вы вспоминаете какой-то солнечный день из детства, когда вы играли с ним у пруда и строили корабли из древесной коры! Разве в этом правда? Разве один день меняет то, что происходило всю жизнь после?

ГЕРТРУДА *(спокойно)*. В вас говорит нечто личное, Хелена.

ХЕЛЕНА *(горячо)*. Что изменилось со вчерашнего вечера? Что поменялось оттого, что сердце этого человека остановилось? Вы? Он? Поменялось только то, чего ждёт от вас публика. Вся эта публика, которая переполнила купе первого класса и толпится сейчас в холле отеля. Вчера они не знали, что услышат от вас, теперь — не сомневаются. «Ах, бедная Гертруда, она всё-таки женщина и добрая душа!» «Ах, бедная Гертруда, она не могла сказать иначе!» Как ей идёт этот скромный траурный наряд! Как ярко сияет на её платье прощальный подарок гения!

ГЕРТРУДА. И как бы вы поступили на моём месте, Хелена?

ХЕЛЕНА *(переводит дыхание, потом решаетя, отламывает розу от букета)*. Я не надевала бы траур. Я вдела бы в петлицу белую бутоньерку. Я бы начала свою речь с того, что в восторге от этого города, от его пьянящего воздуха и солнечного неба. И обязательно поблагодарила бы гостеприимных горожан, не покусившихся в зимнюю стужу на прекрасные цветы — символ настоящей любви и настоящей свободы. И улыбнулась бы ему. Красивому молодому господину с нежной кожей на запястьях, сидящему в первом ряду.

ГЕРТРУДА. Вот теперь вы действительно забылись.

ХЕЛЕНА. Я знаю. Можете меня уволить за некомпетентность. Не стану больше вам мешать. *(Проходит в спальню и затворяет дверь.)*

ГЕРТРУДА прогуливается по номеру. Берёт в руки отломанный цветок, лежащий на столе.

ГЕРТРУДА. Дерзость — ещё не признак некомпетентности. Не путайте значения слов, Хелена... *(Вслушиваясь в собственный голос.)* Этот... человек... научил... меня... думать...

Тихий звон колокольчика. Сразу же затем стук в дверь.

МОДЛЬ. Вы позволите?

ГЕРТРУДА. Конечно, Фридрих.

МОДЛЬ. Это чудовищно! Эти соболезнования, эти пространственные речи. словно бы к ним приехал бродячий фокусник и они с самым серьёзным видом всматриваются в происходящее, чтобы разоблачить секрет волшебства. В этом захолустье никогда не было столько репортёров разом! Сегодня этот горо-

дишко превратится в столицу мира! «Мы, как и вся цивилизованная Европа...» Между тем я уверен, что все ненавидели его. Ненавидели, не видя картин, не зная подробностей — просто как имя того, кто потрясает основы и посягает на традиции. «Большая потеря для всех нас!»

ГЕРТРУДА. Это ничего не значит. Имеет значение только интерес публики, а любовь и ненависть — просто разные его названия.

МОДЛЬ. Смерть — это так просто, так печально просто. Смерть — это не праздник и не развлечение!

ГЕРТРУДА. А разве на войне смерть врага — это не повод для радости?

МОДЛЬ. Об этом не скажу. Я мало воевал. Две-три перестрелки в колониях — не в счёт.

ГЕРТРУДА. Простите, Фридрих. Я не хотела вас задеть.

МОДЛЬ (*неуверенно*). Гертруда, что если вам...

ГЕРТРУДА. Что?

МОДЛЬ. ...отказаться от выступления сегодня?

ГЕРТРУДА (*поражена*). Как вы сказали?

МОДЛЬ. Допустим, вы скажете много хороших, добрых слов о покойном. Уверен, что скажете. Разве это нужно им сегодня? Им нужен скандал, обязательно, чтобы половина из них была в ладоши, а другая свистела и топала ногами. Они разочаруются любыми вашими словами, потому что угадают их заранее. А вот если вы промолчите... Если всё их предвкушение окажется обмануто и останется только скрежетать

зубами — вот это получатся поминки, вот это траур по гению!

ГЕРТРУДА (*пожав плечами*). Но я не хочу траура, Фридрих. Я хочу скандала, как вы прекрасно знаете.

МОДЛЬ. Мне казалось, мы почти... договорились?

ГЕРТРУДА. Вы ошиблись. Я ничего вам не обещала. Не могла бы обещать, даже если захотела бы. Я предложила вам союз и обещала пощадить вашего друга. Но ваш друг больше не нуждается в жалости и пощаде.

МОДЛЬ (*сдержавшись*). Да, верно. Я всё время забываю, что вы ничем не обязаны мне, и приписываю слова, которые только хотел бы услышать от вас.

ГЕРТРУДА. Вы собирались подождать, пока вашему другу станет легче, а затем присоединиться к нам с Хеленой в европейском турне. Можете сделать это немедленно.

МОДЛЬ. Чтобы в каждом городе пройти через такое же горнило лицемерия?

ГЕРТРУДА. Не преувеличивайте. Через неделю репортёры станут задавать нам уже совершенно другие вопросы. Великих людей забывают быстро.

МОДЛЬ. Не могу себе представить его мёртвым. А вы, Гертруда?

ГЕРТРУДА вдруг искоса взглянула на МОДЛЯ.

ГЕРТРУДА. Фридрих...

МОДЛЬ (*почувствовав пристальный взгляд, насторожился*). Весь внимание.

ГЕРТРУДА (*подбирая слова*). Послушайте, Фридрих. Мне правда важно это выступление. Я ждала его долго, но думала, что это будет лишь ступенью моего восхождения. А теперь, может статься, что это его вершина.

МОДЛЬ. Поэтому я и прошу вас...

ГЕРТРУДА (*резко*). Нет, молчать я не стану. Я хочу говорить сегодня так, как не удавалось никогда и никому. Я хочу не просто обратиться к нему, я хочу поговорить с ним — с человеком, который меня уже никогда не услышит. Будь у меня время, я подготовилась бы, я придумала бы себе речь. Но времени нет, Фридрих. И... Я почти не спала сегодня ночью. Я не в ударе.

МОДЛЬ (*стараясь угадать*). Могу вам чем-то помочь?

ГЕРТРУДА (*усмехается*). Да. Отвечайте мне.

МОДЛЬ. Вы хотите...

ГЕРТРУДА. Вы верно поняли. Мы с вами — два человека на Земле, которые знали его, как никто не знал. Мне нужна речь, мне нужна яркая речь, такая, как если бы мы с ним снова говорили, снова спорили, как спорят мужчина и женщина, когда нравятся друг другу. Мне сейчас нужен собеседник. И вы подходите на эту роль как никто.

МОДЛЬ. Я не писатель. Я штабной офицер.

ГЕРТРУДА. Вам не придётся ничего придумывать. Просто вызовите в памяти образ вашего друга и отвечайте мне то, что придёт вам в голову. Согласны?

МОДЛЬ. Если вы этого хотите. (*Оглядывается на дверь, где скрылась ХЕЛЕНА.*) Но нас могут услышать.

ГЕРТРУДА. Тем лучше. В моей речи нет ничего, что я хотела бы скрыть от публики. Хелена!

ХЕЛЕНА *появляется из спальни.*

Наш друг Фридрих любезно согласился помочь мне в подготовке к вечернему выступлению. Ты сказала, и справедливо, что публика ждёт от меня прочувствованного панегирика покойному. Ты советуешь мне вместо этого прилюдно похвастаться цветком в петлице и богатым любовником, и я согласна: это куда лучше. Может, я и последую твоему совету. Но сначала я прошу тебя быть свидетельницей нашей беседы с Фридрихом. Сейчас он постарается отвечать на мои слова так, как если бы со мной говорил тот человек, по которому плачет сегодня вся Европа. Я постараюсь задавать такие вопросы, на которые он не сможет ответить. И если нам обоим это удастся...

ХЕЛЕНА *(завершая фразу).* ...Тогда вы произнесёте отличную речь.

ГЕРТРУДА. Не слишком честно, но попробовать стоит. Вы готовы, Фридрих?

МОДЛЬ *(проглотив комок в горле).* Нет, не готов... Но я обещаю приложить старание.

ГЕРТРУДА. Отлично. Друг мой. Вы научили меня думать... Ну же, Фридрих?

МОДЛЬ. Что я должен сказать?

ГЕРТРУДА. То же, что ответил бы ваш друг, если бы я сказала ему это: вы научили меня думать.

МОДЛЬ. Что ж, Гертруда, очень рад этому...

ГЕРТРУДА (*резко*). Нет! Послушайте, Фридрих, он никогда не соглашался с первых слов. Он всегда и в любом разговоре спорил, отрицал. Вы же прекрасно знаете это...

МОДЛЬ. Вы ошибаетесь...

ГЕРТРУДА. «Об умерших либо хорошо, либо ничего» — оставьте это, Фридрих, представьте себе...

МОДЛЬ. Вы ошибаетесь, Гертруда. Научить думать нельзя, как нельзя научить дышать.

ГЕРТРУДА. Так. Уже лучше. Но такой ответ не задевает меня. Мой друг, я не узнаю вас.

МОДЛЬ (*говорит через силу*). Научить женщину думать нельзя... Слишком разные мысли в голове человека и женщины...

ГЕРТРУДА. Вы слышали это, Хелена? Не смущайтесь так, Фридрих, я знаю, что эти слова подуманы и сказаны не вами. Что ж, продолжим, друг мой. Итак, какую мысль вы пытались сейчас выразить? Что женщина чувствует иначе? Или, напротив, вы отказываете любой из нас в праве называться человеком? Ваше остроумие увяло с годами, и вы просто завидуете, просто хотите меня позлить, не так ли, мой друг?

МОДЛЬ. Мне безразличны ваши чувства. Ведь это вы обратились ко мне с беседой, а не я к вам.

ГЕРТРУДА (*ХЕЛЕНЕ*). Я уже начинаю злиться. Хороший знак. Это предчувствие вдохновения. (*Воображаемому собеседнику.*) Нет, это не безразличие. Вы были слишком умны, чтобы испытывать его. Не безразличие, не любовь, и не ненависть — азарт. Я была вам неинтересна — восторженная, юная, красивая. Вы вложили в мою голову ум и выдрессировали, как охотничью собаку. Чтобы было кого держать на повод-

ке... (МОДЛЮ.) Почему вы не возражаете, Фридрих?

МОДЛЬ (*пытается шутить*). Честное слово, торговать фуражом в полку было проще!

ГЕРТРУДА. Где же ваша верность своему другу? Ведь я презираю его. Не может быть, чтобы вы не обсуждали с ним этот прискорбный факт. Не может быть, чтобы у него не находилось на это ответа!

МОДЛЬ (*медленно повторяя по памяти*). «Я не нуждаюсь в уважении этой женщины. Она просто не может простить, что я не сделал её одной из своих моделей...»

ГЕРТРУДА (*требовательно*). Скажите это мне! Скажите, глядя в глаза!

МОДЛЬ (*решившись, твёрдо и язвительно*). Гертруда, вы просто не можете простить мне, что не оказались на тех картинах, которыми восхищается весь мир. Вы очень этого хотели, а я не стал вас рисовать. Мне требовалось совершенство, потому что зритель тоже ждёт изображения совершенства на холсте...

ГЕРТРУДА (*торжествующе*). Изображение! Вот точное слово! Вы всей своей жизнью хотели изобразить великого художника! Вы изображали женские тела, когда понимали, что не можете вселять в сердце женщины любовь и страсть. Вы изображали озарение, ум, величие таланта... Изображали превосходно, так что всему этому я смогла учиться у вас. Но сами вы не обладали ничем из того, что изображено. Портовые девки — они позировали вам, они бывали с вами нежны, но разве вы обладали их совершенными телами? Вы только изображали!

МОДЛЬ. Я изображал вас.

ГЕРТРУДА. Фридрих?

МОДЛЬ. Простите. Вы призывали к полной откровенности, что ж. Мой друг в доверительных беседах не раз признавался мне в том, что на всех своих полотнах изображал вас. Вы были для него не возлюбленной, а любимой ученицей. Его показное равнодушие скрывало чувство, истинную страсть, которую он не мог, не имел права проявить. Он ни разу не предложил вам остаться на его полотнах. Это ведь правда?

ГЕРТРУДА (*с горечью*). Он искал совершенства. Вот если бы его секретаршей была Хелена...

ХЕЛЕНА. Я прошу вас...

МОДЛЬ. И тогда он остался бы верен вам.

ГЕРТРУДА. Вы видели полотна «Яблоко греха»? Это вы называете верностью?

МОДЛЬ. Ни с одной из изображённых на этих картинах девушек он не позволил себе...

ГЕРТРУДА (*насмешливо*). Оставьте это, подполковник...

МОДЛЬ (*опустив взгляд*). Вы сами верно ему служили. Вы не способны поверить в чужую преданность? В преданность мужчины?

ГЕРТРУДА. Мужчины, женщины... Все мы в первую очередь люди. А люди слабы...

ХЕЛЕНА. Человек способен взять верх над своими слабостями...

ГЕРТРУДА. Правда? Вы преданы мне, Хелена? И вы тоже по-своему, Фридрих? Очень хорошо. Сейчас я прикажу вам, Хелена, снять одежду. Не совсем, нет... просто забыть на се-

кунду, что вы прилежная секретарша, разрушить вашу строгую причёску. А вас, Фридрих, я попрошу нарисовать портрет Хелены... Хотя нет, вы не умеете... Тогда просто вести беседу с хорошенькой, умной и во всех отношениях совершенной девицей... Выпейте шампанского, я прикажу прислать в номер. Я оставлю вас на полчаса, мне всё равно нужно проверить, готова ли сцена для выступления. Потом я вернусь...

С улыбкой смотрит на МОДЛЯ, потом на ХЕЛЕНУ.

ХЕЛЕНА. Таково ваше распоряжение?

Медленным движением проводит по волосам, вытаскивает гребень и плавным движением головы разбрасывает волосы по плечам.

МОДЛЬ (*вскакивает на ноги*). Я умоляю вас, фройляйн!..

ГЕРТРУДА от души смеётся, глядя на взволнованного МОДЛЯ. Снимает с носа очки и протирает их стёкла платком. Лицо её без очков становится скучным, усталым.
ГЕРТРУДА отрицательно мотает головой.

ГЕРТРУДА. Ты совершенно права, Хелена: видимо, нет смысла менять ранее заготовленный текст. Осталось меньше двух часов. Где всё-таки состоится выступление, Фридрих?

МОДЛЬ (*хриловато*). В городской ратуше. Мэр заверил меня, что гостиничный ресторан не вместит всех желающих, но «власти будут счастливы поспособствовать»...

ГЕРТРУДА. Тогда сцену лучше посмотреть сейчас, пока не собралась толпа. Хелена, милая, я позаимствую твою накидку и вуаль, если не возражаешь.

ХЕЛЕНА (*открывая картонку*). Это разумно.

ГЕРТРУДА. В них я вполне сойду за восторженную барышню. Вы помните меня такой, Фридрих?

Покидает номер.

МОДЛЬ. Мне крайне неловко, мадемуазель.

ХЕЛЕНА. Пустяки. Вы поспорили, и Гертруда решила поставить вас на место. За моей нанимательницей это водится.

МОДЛЬ. Я только пытался убедить её отказаться от сегодняшней лекции.

ХЕЛЕНА. В знак траура по великому человеку? И не есть мяса до субботы?

МОДЛЬ (*пристально взглянув*). Напрасно... Самоуверенность всегда к лицу женщине. Это как дерзкий фасон вечернего платья — обрывок ткани, который держится каким-то волшебством. Но в таком платье неудобно сражаться и совсем невозможно бежать. И когда самоуверенность спадает...

ХЕЛЕНА. Ого... Кажется, Гертруда предугадала ваше направление мыслей. Оказывается, вы настоящий воин, подполковник? Мастер казарменных шуток?

МОДЛЬ (*примирительно*). Об этом не мне судить. Я простой секретарь. Вы — квалифицированный секретарь. О чём нам спорить? О причудах наших нанимателей?

ХЕЛЕНА. Нет, подполковник. Вы были секретарём великого человека. До сегодняшнего дня. Сейчас вы снова просто одинокий мужчина.

МОДЛЬ пожимает плечами и садится в кресло.

МОДЛЬ. Одиночество — это не грех и не порок. Я понял это, когда вышел в отставку. Все слышали, что любой солдат мечтает сделаться генералом. Казалось бы, с каждым новым званием это желание должно становиться ближе и желаннее. Так думают те, кто не носил погоны на плечах. На самом деле с каждым днём ты всё больше мечтаешь об отставке. Ты начинаешь называть ордена «железом» и видишь, что маршальские жезлы и генеральские эполеты — простая мишура. И вот — ты в отставке. И казалось бы всё — крах, жизнь пропала, ставка бита. И ты можешь выйти на свежий воздух и идти куда глаза глядят. Ты отбыл срок и выпущен с каторги.

ХЕЛЕНА. Наверное, я только что позволила себе резкость?

МОДЛЬ. Нет, фройляйн. Просто вы всё стараетесь дёрнуть за нитку. За нитку уязвлённого самолюбия, душевной боли. Я постарался бы ответить, и между нами возникла бы игра. Ссора, пикировка, флирт. Развлечение для одиноких людей.

ХЕЛЕНА молчит.

(Просительно.) Уговорите вашу нанимательницу отменить сегодняшнее выступление. Если она его отменит, это будет поступок, это будет означать, что два человека всё же любили друг друга. Разве это не лучшая эпитафия для всяких отношений между двумя людьми? Да, мы терзали, не понимали друг друга, мы причиняли боль, а иногда и предавали, так предавали, что простить уже нельзя. Но мы любили друг друга. Разве не так должен сказать действительно великий человек? Не потому великий, что его имя не сходит с газетных заголовков, не потому, что его слушают собравшиеся в городской ратуше. А человек — которому не досадно умирать, кому не страшно, что после смерти ему не будет прощения?

ХЕЛЕНА. Вы верите в загробную жизнь?

МОДЛЬ. Я верю в справедливость. В то, что каждому в жизни предоставляется шанс. Снова и снова. На успех. На любовь. На веру в себя.

ХЕЛЕНА. Подполковник. Вы либо беспардонный притворщик, либо наивный человек, истинно достойный женской любви. Но я в такое не верю.

МОДЛЬ. Каждый человек достоин любви и уважения. Главное — это достоинство не терять.

ХЕЛЕНА. Хорошо, я отвечу вам. Я скажу, почему вечернее выступление Гертруды не будет отменено, во всяком случае, я этому никак не поспособствую. Представьте, что вы уговорили меня, а я — её. Лекция сорвана. Газеты в восторге: «Гертруда Аренхейм безутешна, она в горе и трауре!» Дорогой друг, над чьим мёртвым телом ещё колдуют врачи туберкулёзного санатория Кли, величественно прощает бывшую ученицу с небес. Вы, Фридрих, присоединяетесь к нам. Вы больше ничем не обязаны своим блистательным друзьям. Отныне вы просто пожилой мужчина, влюблённый в знаменитую женщину. Вы знали её ещё молодой некрасивой девушкой. А теперь она может нанять вас. Меня. Оставить нас в номере вдвоём, своей забавы ради...

МОДЛЬ. Я никогда не обсуждаю с посторонними...

ХЕЛЕНА. Я и не прошу вас обсуждать. Я просто напоминаю, что через мои руки, как через руки секретаря, проходит вся переписка госпожи Аренхейм. Вся, понимаете? Я умею читать, я умею читать между строк, даже то, что автор письма желал бы скрыть. И любая женщина это умеет, уверяю вас. Ни я, ни Гертруда не сомневаемся в истинной природе ваших, конечно же, давних благородных чувств, подполковник. И вот представьте себе: мы берём вас с собой и отправляемся в триумфальное путешествие по Европе. У вас есть всё: чувство вы-

полненного долга, возможность видеть любимую женщину и право от её имени распоряжаться наследием знаменитого друга. Вы — богач, подполковник Модль. И за это богатство вы заплатили всего лишь своим драгоценным одиночеством.

МОДЛЬ. Я могу и отказаться.

ХЕЛЕНА. Нет, не сможете! Потому что продолжите тешить себя иллюзией, что выполнили все порученные задания и справитесь с новыми. Вы мужчина, вы мыслите как солдат и остаётесь солдатом! И вы спешите в атаку, не подозревая о том, куда и зачем посылает вас ваш полководец. Может быть, он делает на вас ставку. А может быть, пожертвовал, как фигурой в шахматной партии. Не ваше дело вдумываться. Вы выполняете приказ.

МОДЛЬ. Просветите меня. Какую же игру я играю?

ХЕЛЕНА (*жёстко*). Ваш друг послал вас сюда, чтобы отомстить. Чтобы вы любой ценой не позволили женщине взять над ним верх! Ведь только он — творец, только он способен добиваться цели силою своего ума. Пусть он стар, немощен, пусть он не может приказать наглой девчонке повиноваться, склонить голову. Пусть! Он даже со смертного одра способен дотянуться до её души, заставить, вынудить поступить так, как желает он сам. Разрушить планы, погубить её веру в себя. Вот что хотел доказать ваш дорогой друг. Он положился на вас всецело, ведь вы тоже мужчина, вы его солдат, а генерал может поручить подчинённому всё что угодно — от насилия до убийства. Лишь бы победить!

МОДЛЬ. Не примирение? Не любовь? Не бескорыстный дар?

ХЕЛЕНА. Нет, нет, нет! Только победа, только месть, вот чего хотели вы! Но поймите же, что этого не будет! Что вы уже проиграли — вы, двое мужчин! Вы, подполковник, сделаетесь слу-

гой Гертруды, её вечно надеющимся на благосклонность секретарём. Меня она уволит, очень мило, на очень выгодных для меня условиях и с прекрасной рекомендацией. И с этого момента вы станете каждое утро выслушивать её признания о том, как она провела ночь с новым молодым любовником в новом городе.

МОДЛЬ. Вы восхищаетесь ею, Хелена?

ХЕЛЕНА. Я ненавижу её! Она некрасива, она старше меня, она вовремя улыбнулась нужному человеку и без всякого на то права позаимствовала его славу. Она может приказать мне раздеться перед вами, если это потребуется для её вдохновения. И отменить своё распоряжение, если желание творить пропало. *(Насмешливо.)* Она пишет книги... Эти книги существуют до тех пор, пока есть журналисты, готовые брать у неё интервью! Это не искусство, не драгоценность — это тот дутый жемчуг, который со временем заполнит все прилавки и в котором потеряется настоящее сокровище. «Натюрморты с битой дичью» вашего друга — это омерзительное, но всё-таки искусство. Ими можно любоваться, ничего не зная об авторе. Чтобы понять книгу Гертруды Аренхейм, нужно сперва прочесть в газете про Гертруд Аренхейм! А потом можно и переплёт не открывать!

МОДЛЬ. Вы говорите то же, что думаю я. Думаю, но никогда не решился бы сказать в обществе, где ценят искусство, или просто в личной беседе.

ХЕЛЕНА. С годами Гертруд Аренхейм станет много больше, и именно они помешают миру узнать, что есть на Земле талантливые, одарённые женщины. Мужчины пострадают меньше. Среди мужчин всегда найдутся гении и верные друзья гениев, готовые творить лишь из любви к искусству. Но среди женщин выигрывают не самые умные и не самые одарённые. А те, кто лучше других умеют дёргать за нитки.

МОДЛЬ. Чего вы хотите от меня?

ХЕЛЕНА. Оставьте всё как есть. Ваш великий друг проиграл — что ж, это случается даже с великими и называется это смертью. Самый большой проигрыш. Не пытайтесь отомстить этой женщине за него. Она забрала его имя, его наследие и славу. Пусть. Не позволяете ей забрать и себя.

МОДЛЬ. Но вы заблуждаетесь, фройляйн. Я не влюблён в вашу нанимательницу.

ХЕЛЕНА. Она, кажется, считает иначе.

МОДЛЬ. Она тоже заблуждается.

ХЕЛЕНА. Интуиция двух женщин против заверений мужчины? Простите, но это смешно.

МОДЛЬ. Подойдите ко мне, фройляйн.

ХЕЛЕНА. Странная просьба для светского разговора.

МОДЛЬ. Подойдите ко мне и дайте мне руку. Если ваша интуиция, не подводит вас, вам нечего опасаться. Я не смогу вас обмануть.

ХЕЛЕНА. Теперь вы говорите то, что я подумала.

МОДЛЬ. Чего же вы боитесь?

ХЕЛЕНА. Гертруда вот-вот вернётся.

МОДЛЬ. Она сама предложила оставить нас вдвоём. Вы утверждаете, что я люблю её и не куплюсь на ваше совершенство. Сама Гертруда, кажется, опасается иного. Разве не интересно узнать, которая из двух женщин права?

ХЕЛЕНА подходит к МОДЛЮ и протягивает ему руку. МОДЛЬ ласково, но твёрдо охватывает ладонями её запястья.

МОДЛЬ *(постепенно привлекая ХЕЛЕНУ к себе)*. В военной науке есть понятие «отвлекающий манёвр». Штатские люди наивно считают, что дело это очень простое. Мол, откуда-нибудь из-за рощи появляется эскадрон драгун, и глупые враги поворачивают туда пушки и палят, пока не будут заколоты штыками наших пехотинцев.

На настоящей войне поступают несколько иначе. Противник должен быть уверен в себе. Противнику должно быть хорошо и радостно от сознания своей скорой победы. Противник должен понимать, что всё отныне пойдёт по его приказу, что я растерян и сопротивляться буду слабо, настолько слабо, что это только распалит аппетит и усилит торжество победителя...

МОДЛЬ целует ХЕЛЕНУ. Она сперва не протестует, потом пробует вырваться, но хватка у подполковника железная. Покорившись, ХЕЛЕНА обнимает его в ответ.

Дверь открылась. На пороге останавливается ГЕРТРУДА.

ГЕРТРУДА. Фридрих?

МОДЛЬ *(говорит медленно, как во сне повторяют заученный текст)*. Гертруда, вы победили. Вы забрали всё. Мой лучший друг погиб, измученный вашим предательством. Вы унаследовали его славу, его достижения. Вы можете торжествовать. Но вы не сможете распоряжаться мной. Ваша победа — пуста и ничтожна. Я не приду послушать ваше выступление. У вас не осталось никого, кроме публики, перед которой предстоит выступить. Желаю вам успеха и прощайте. *(Поклонившись, покидает номер.)*

ГЕРТРУДА. Хелена?

ХЕЛЕНА (*невозмутимо*). Этому человеку нельзя доверять. Я поняла это, как только увидела, и ещё раньше по его письмам. Его благородство, простодушие, его приветливость и галантность — всё напускное. Я сказала ему, что ненавижу вас, Гертруда, и этого оказалось достаточно чтобы он высказался откровенно. Пока его наниматель был жив, он всего лишь выполнял поручения. Но теперь он желает только одного — отомстить вам.

ГЕРТРУДА. Хелена, Фридрих — мой давний друг. Я... Видела вас...

ХЕЛЕНА (*подсказывает*). В объятиях? Я хотела, чтобы вы увидели. Это проще, чем долгие объяснения.

ГЕРТРУДА. Хелена, но я не верю тебе.

ХЕЛЕНА (*закусив губу от обиды, но ровным голосом*). Как угодно. Только я сказала вам чистую правду.

ГЕРТРУДА. Разве ты не понимаешь, что ты сделала сейчас? При твоём уме...

ХЕЛЕНА. Я избавила вас от ненадёжного человека.

ГЕРТРУДА. Это не столь важно, Хелена. Сегодня умер человек, который мне был близок. Теперь ты сделала так, что я навсегда лишилась другого человека, в чьей привязанности была уверена долгие годы... Вот сейчас... Когда мне нужно быть спокойной... Когда от меня ждут... Ждут...

ХЕЛЕНА. Этот человек не стоит ваших сожалений.

ГЕРТРУДА (*кричит*). Это неважно! Меня бросили! Меня дважды покинули сегодня — люди, которые когда-то любили! Одного забрала смерть. Другого целовала ты. Разве ты этого не понимаешь?

ХЕЛЕНА (*после долгой паузы*). Мне не пришло это в голову.

ГЕРТРУДА (*тихо*). Это ложь... Ты женщина и не могла этого не понимать... Не знаю зачем, но ты сделала то, чего хотела.

ХЕЛЕНА. Мне правда очень жаль. Чем я могу исправить...

ГЕРТРУДА. Мне нужен другой секретарь.

ХЕЛЕНА (*ошеломлена*). Я... Постараюсь... После вашего выступления...

ГЕРТРУДА. Немедленно. Займись этим. Я не знаю, как в этом городке нанимают служащих, но уверена, что это не сложнее, чем было нанять тебя в Эдинбурге. Секретарь с умением стенографировать и печатать на машинке.

ХЕЛЕНА (*сдерживаясь*). Очень хорошо. Мужчина или женщина?

ГЕРТРУДА. Женщина. Порядочная молодая женщина.

ХЕЛЕНА шагает к двери, потом к столу, она растеряна. Хочет что-то сказать, но вдруг, закрыв лицо ладонью, выходит быстрым шагом.

ГЕРТРУДА всё это время стоит неподвижно и смотрит в камин. Когда шаги ХЕЛЕНЫ затихают, ГЕРТРУДА садится за стол и бессмысленно глядит на роскошные белые розы в корзине. Отламывает одну и вставляет как бутоньерку в растопыренные веточки броши.

Дорогой друг. Ты научил меня думать. А зачем? Ты вырастил меня, как ребёнка, и объяснил, что главное в жизни — это собственный взгляд, собственная дорога. Ты прекрасно понимал, что это означает. Вечный спор отпрыска с родителями, вечное отрицание всего подряд. И за этим отрицанием — пустота. Как за смертью. Почему мне опять кажется, что ты смеёшься надо мной? Даже оттуда? Чего же ты хочешь? Чтобы я сейчас вышла к ним и сказала, что без тебя я ничто? Что моя игра — это твоя

игра, что твоё наследство я стану разбирать с тем же благоговением, как работала бы на тебя, будучи секретарём? Что помнить о тебе священно, а наши встречи — главное, что было в моей жизни? Нет! Никогда!

Выходит на авансцену. Прихорашивается, поправляет брошь на груди. Улыбается.

Этот человек сделал мне драгоценный подарок. Увы, это прекрасное произведение ювелирного искусства стало последним его подарком. Последним, но не единственным. Он научил меня думать. Научил творить. Быть самой собою. Такое дарят тем, кого любят. И теперь, когда печальное событие освобождает меня от скрытности, я должна признать: история наших отношений, нашего соперничества, нашей вражды объясняется одним словом, которое знакомо каждому. Он любил меня, и я счастлива сказать об этом. Его картины посвящены мне, а когда ему казалось, что не будет больше картин, я... я вдохновляла его. Сегодня мне стало известно, что я — обладательница огромного богатства. Но я не считаю, что его творения принадлежат мне одной. Они принадлежат всем. А я — всего лишь одно из его творений, надеюсь, что не худшее. Он любил меня. И я люблю его. *(Декламирует.)*

*Ветвь яблони, расцветшая в мороз,
Ты веришь солнцу, солнце ярко светит,
Ты гибнешь в цвете, в ярком белом свете,
Но ты милее всех июньских роз.
Ты невесомым кружевом из льда
Подёрнешься от утреннего снега,
Умрёшь. И в этой смерти страсть и нега,
Что розам не изведать никогда.*

Занавес

Действие третье

Всё тот же гостиничный номер. В отеле оживление — слышно, как под приоткрытым окном проходят, разговаривая, люди. ХЕЛЕНА сидит за письменным столом, но бумаги с его поверхности уже убраны. Слышится лёгкий звон колокольчика, затем стук. МОДЛЬ заглядывает в номер. ХЕЛЕНА молча смотрит на него.

МОДЛЬ. Вот как? Я полагал, что не найду здесь никого.

ХЕЛЕНА. И поэтому постучали в дверь?

МОДЛЬ. Гертруда освободится нескоро. Такой успех, такое внимание корреспондентов выпадает нечасто. Даже мой на-ниматель в последние годы не мог похвастаться этим.

ХЕЛЕНА. Это вопрос организации.

МОДЛЬ. Как же она обходится без вашей помощи?

ХЕЛЕНА (*хладнокровно*). Гертруда уволила меня вскоре после вашего ухода. Она сочла моё поведение недопустимым, и мне трудно с нею спорить. К счастью, отыскать в этом городе новую квалифицированную секретаршу оказалось несложно. Сейчас я ожидаю прихода этой особы, чтобы передать ей свои обязанности.

МОДЛЬ. Несложно? Здесь, в этом райском уголке?

ХЕЛЕНА (*наставительно*). Молодые девушки поступают на такую работу не ради денег или уверенности в завтрашнем дне. Они жаждут повидать мир и войти в тот круг, где удивительные, редкостные люди пишут книги и продают картины. Именно так я покинула Эдинбург в своё время.

МОДЛЬ. Фройляйн Гейтс, я весьма сожалею, что причинил...

ХЕЛЕНА. Вы мне ничего не причинили, подполковник. Верьте или нет, но о случившемся я нисколько не сожалею. Я и без того не задержалась бы на этом месте.

МОДЛЬ. Вы расстались с иллюзиями юности? Больше не стремитесь в избранный круг, в волшебный мир искусства?

ХЕЛЕНА (*твёрдо*). Стремлюсь. И буду там.

МОДЛЬ. Могу я подождать здесь, в этом номере?

ХЕЛЕНА. Вряд ли имеет смысл. Должно пройти время, чтобы Гертруда пожелала вас снова увидеть. Это непременно произойдёт, но нескоро.

МОДЛЬ. Мне необходимо повидать её сегодня ещё раз.

ХЕЛЕНА. У вас нет и не может быть ничего, что заинтересовало бы госпожу Аренхейм.

МОДЛЬ. Простите, но если вы уволены, то этот вопрос вне вашей компетенции, фройляйн.

ХЕЛЕНА (*грустно улыбнувшись*). Ну вот и всё. Отныне вы станете разговаривать со мной как с прислугой. Страсть прошла?

МОДЛЬ (*недоумённо*). Страсть? (*Долго смотрит на ХЕЛЕНУ, стараясь понять. Медленно.*) Послушайте, Хелена, раз уж мы

снова встретились в этой комнате. Вы очень молоды. Вы моложе, чем была моя жена, когда она двадцать лет назад оставила этот мир. Вы безусловно умны, талантливы и привлекательны. Вы не обязаны слушать мои советы. И всё-таки я даю вам этот совет. У меня не было дочери, но то же самое я сказал бы ей. Постарайтесь уже отучиться измерять всё в жизни страстью. Это в ваши годы сложно, я понимаю. И всё-таки попробуйте. Иначе... Иначе вас ждёт путь Гертруды, а эта дорога ведёт в никуда. Вы слышали овации, вы слышали крики «браво» сегодня. Согласитесь — это вершина успеха. И поверьте моему слову, что этот успех — ничто.

ХЕЛЕНА (*насмешливо*). Чужой успех всегда кажется незаслуженным.

МОДЛЬ. О нет! Он вполне заслужен! Но фрау Аренхейм не сумеет воспользоваться его плодами.

ХЕЛЕНА. Пустое пророчество. И вы ещё говорите о моих иллюзиях? Вы разве не поняли, что произошло? Гертруда теперь не просто напишет новую книгу, не просто запродаст скандальную историю о том, как гений умер из-за неразделённой любви к ней. В скандальной сплетне явится новый, житийный смысл. Это будет биография святого, а точнее античного героя, потому что герой, в отличие от святого — может грешить. Яблоко греха в руках Адама и Евы — вот во что превратит когда-то некрасивая девушка историю жизни вашего друга, прежде чем в санатории Кли успеют отслужить панихиду!

МОДЛЬ (*с интересом*). Не могу понять. Вы торжествуете над мной или завидуете вашей бывшей нанимательнице?

ХЕЛЕНА. По правде сказать? Я презираю вас обоих. Вы всё делаете не так. Вы торгуете. Вы продаёте ценный товар, кто же спорит, — свою и чужую жизнь, мысли, талант, любовь. И этим вы напоминаете того винодела, который посетителям предла-

гает хорошее вино, а сам из скаредности пьёт дешёвую брагу. И вы даёте мне советы? Рассказываете о том, как разум побеждает страсть? Ни разу в жизни вами не испытанную?

МОДЛЬ (*глядя с теплотой*). Если позволите, Хелена, я попробую сказать вам комплимент, хотя вообще-то не умею. Вы сейчас были прекрасны. И, как любой мужчина, стоящий на пороге старости, я сожалею, что слишком рано родился на этот свет. Как было бы прекрасно, будь мне сейчас снова двадцать, будь я снова поручиком и будь я в вас, пусть даже безнадёжно, влюблён. Но мне сорок восемь лет. И я безнадёжно влюблён в Гертруду Аренхейм.

Перезвон колокольчика. Быстрые шаги по коридору. ГЕРТРУДА входит. Она слегка навеселе и оттого особенно обаятельна.

ГЕРТРУДА. Хелена, дорогая моя девочка! Мы остаёмся ещё дня на три. Да! Они готовы слушать меня ещё, они будут приезжать и приезжать сюда каждое утро! Пока здешние отели не взорвутся от наплыва постояльцев! Займитесь... (*Замечает МОДЛЯ, потом переводит взгляд на ХЕЛЕНУ.*)

ХЕЛЕНА (*напоминая, как напоминала бы список встреч на день*). Я не работаю у вас больше, Гертруда. Вскоре вы познакомитесь с новой стенографисткой. Она или полковник Модль помогут вам устроить всё наилучшим образом. Меня от этого избавьте.

ГЕРТРУДА (*недобро усмехнувшись*). Тогда, дорогая моя девочка, передайте этой новой стенографистке, что я приглашена на званый ужин. Возможно, я опять не буду ночевать в гостинице. Но утром...

ХЕЛЕНА. Я объясню ей. Отдохните как следует.

Смерив ХЕЛЕНУ взглядом, ГЕРТРУДА устремляется к двери спальни.

МОДЛЬ. Одну минуту.

ГЕРТРУДА. Мне нужно переодеться. Меня ждут к ужину. И это мне сейчас много интереснее беседы с вами, Фридрих.

МОДЛЬ. Вы ошибаетесь. Сейчас для вас нет ничего важнее беседы со мной.

ГЕРТРУДА (*пренебрежительно*). Зайдите завтра днём.

МОДЛЬ (*повысив голос*). Завтра днём будет слишком поздно для вас, Гертруда! Вы читали заголовки сегодняшних газет?

ГЕРТРУДА. В этой стране слишком много газет, и выходят они слишком часто. Нет, Фридрих, не читала, у меня не было времени. Какой-нибудь пасквиль, ханжеское возмущение моей драгоценной особой? Мне это неинтересно.

МОДЛЬ (*цитирует*). «Гертруда Аренхейм признала, что скандальные полотна написаны при её участии».

ГЕРТРУДА (*с горечью*). И больше ничего?

МОДЛЬ. Нет. Никого из репортёров не заинтересовали глубокие мысли писательницы о любви, смерти и творчестве. Женское тело на холсте! Что может быть интереснее для обывателя?

ГЕРТРУДА. Другого я от них и не ждала. Ну и что же, добрый мой Фридрих? Я — женщина, существо греховное. Пусть их судачат! Завтра я повторю им то, чего они не услышали, снова. Я буду говорить снова и снова, пока не буду услышана. Для этого я остаюсь здесь. А вовсе не для того, чтобы провести ещё одну ночь в доме красивого юноши, влюблённого в меня. Уж простите мне эту откровенность.

ХЕЛЕНА (*МОДЛЮ*). У него такая нежная кожа на запястьях...

ГЕРТРУДА (*снисходительно улыбаясь*). Верно, девочка моя. Я сама тебе об этом рассказала. (*МОДЛЮ, нетерпеливо теребя брошь на груди.*) Я могу пойти переодеться, Фридрих?

МОДЛЬ. Ещё лишь пару слов. Мне случайно стало известно, с какими заголовками выйдут завтрашние утренние газеты. Может быть, и вам интересно это?

ГЕРТРУДА. Вряд ли... Какую бы ложь не придумали газетчики, пусть даже с вашей помощью...

МОДЛЬ. Но это не ложь. Завтрашние заголовки, все до единого, будут звучать примерно так: «Нам сообщают из санатория Кли: Гертруда Аренхейм солгала!».

ГЕРТРУДА, как раз отцепившая от платья брошь, роняет её на стол, за которым сидит ХЕЛЕНА.

ГЕРТРУДА (*медленно*). Вы, кажется, упоминали, что в санатории Кли нет телеграфа?

МОДЛЬ. Именно поэтому сообщение только завтра утром окажется в редакциях. Логично, не правда ли? Ведь сегодняшние газеты ещё должны быть доставлены в санаторий. И пациент, находящийся там на излечении, ещё должен их прочесть.

ХЕЛЕНА (*непонимающе*). Находящийся на излечении?

МОДЛЬ. Гертруда, сегодня днём вы просили меня об одолжении. О том, чтобы я, ради вашего вдохновения... или ради жестокого каприза... представил себя тем, к кому мы некогда оба обращались в письмах «дорогой друг». Позвольте мне сделать то же самое теперь, уже ради просьбы не вашей, а иного человека. (*Достаёт из-за обшлага сложенный лист бу-*

маги, разворачивает и сутулится, как будто стал гораздо старше и страдает множеством недугов. Читает по бумаге.) «С недоумением и горечью я узнал о нелепых слухах, распространившихся в связи с моим лечением. Опровергаю эти домыслы. В настоящее время моё здоровье и моя будущность находятся в руках лучших врачей Европы, которым я выражаю свою признательность и полную веру в их мастерство. Моя болезнь — это моё сугубо личное дело, но коль скоро речь заходит о моей смерти, должен заметить, что сведения о ней сильно преувеличены. Я собираюсь покинуть этот мир не раньше, чем почувствую к тому необходимость, не раньше, чем завершу свои суетные планы и исполню своё земное предназначение». (ХЕЛЕНЕ, хотя та и не думает записывать.) С новой строки... (Снова обращается к ГЕРТРУДЕ.) «Что же касается соболезнований, высказанных моим бывшим секретарём, некоей фройляйн Аренхейм, то я выражаю ей благодарность за беспокойство обо мне, но считаю беспокойство чрезмерным, а само заявление — фантазией нервной особы. Я не стою её тёплых слов и благодарностей. Я никогда не испытывал к ней никаких чувств, кроме некоторой досады от того, что моё общество не послужило личностному прогрессу этой талантливой девицы. Я не намерен завещать ей ничего, кроме, быть может, пожеланий здравого смысла и элементарной честности. Я никогда не изображал её на своих полотнах ни одетой, ни обнажённой, поскольку подобные действия по отношению к собственной служащей считаю недопустимыми и недостойными художника. Имена натурщиц, любезно согласившихся помочь в создании самых известных моих картин, не будут обнародованы во исполнение данного им обещания и условий контракта. В знак примирения и признательности за беспорочную службу я отправил девице Аренхейм бриллиантовую брошь моей работы — на этом считаю свои обязательства перед ней всецело исполненными и полностью отказываюсь от всяких судебных претензий в отношении этой барышни».

ХЕЛЕНА. Ей плохо, подполковник.

ГЕРТРУДА (*стиснув зубы*). Завтра утром?

МОДЛЬ. Вероятно — днём. Но, во всяком случае, ранее вашего повторного выступления перед восторженной публикой в ратуше.

ГЕРТРУДА. Я не верю. Будь это так, он велел бы вам промолчать и теперь. Он бы наслаждался моим позором.

МОДЛЬ. Он так мне и велел, Гертруда. Я не должен был приходить сюда и предостерегать вас. Всего лишь сделать так, чтобы вы уволили Хелену, прогнали меня с глаз долой и отправились на званый ужин, ощущая, что весь мир сегодня у ваших ног. Завтра вы явились бы пред публикой, чтобы быть услышанной людьми и Вселенной, а в ответ получили бы свист досужей толпы. Согласно плану моего нанимателя, вам предстояло пережить это завтра. Простите, Хелена, за тот поцелуй. Это был отвлекающий манёвр. Или же считайте его насилием грубого солдата над мирной жительницей.

ГЕРТРУДА. Я не верю вам. Он мёртв! Вы придумали это сейчас, чтобы напугать меня.

МОДЛЬ. Хорошо. Если не верите мне, ступайте. Проведите время с удовольствием и возвращайтесь утром в отель.

ГЕРТРУДА. Дайте мне взглянуть!

МОДЛЬ с готовностью протягивает ей бумагу, и ГЕРТРУДА жадно впивается глазами в написанные от руки строки. ХЕЛЕНА вглядывается издалека.

ХЕЛЕНА. Это его почерк. Безусловно.

ГЕРТРУДА. Откуда он знал? Откуда он мог знать?

МОДЛЬ. Не столь уж трудно было предугадать, как вы поступите, Гертруда.

ГЕРТРУДА. И вы... тоже знали?..

МОДЛЬ. Если вы припомните, я ни разу не говорил вам, что он мёртв. И ни разу не сказал о нём как об умершем. Я не опроверг сказанного Хеленой, я не спорил с газетами, верно. Но ни разу не солгал. Вы скажете, что это подло, а я отвечу, что вам был предоставлен шанс. У каждого есть шанс, и у вас он был. Если бы вы отказались от выступления, как я упрашивал.

ГЕРТРУДА. Вы уничтожили меня.

МОДЛЬ. Я этого и хотел. Уничтожить Гертруду Аренхейм. Не вас, нет. А ту пустую избалованную даму, которой готовы рукоплескать толпы бездельников за одно её имя. Она уже мертва. А вы нет. Пока ещё нет. До завтрашнего дня у вас есть время.

ГЕРТРУДА. Время на что?

МОДЛЬ. На то, чтобы покинуть этот город. Скандал разразится без вас и окажется совсем не таким, как предполагалось. Вас не освищут. Вас не смогут отыскать утром, и это станет главной темой для самых ужасающих догадок. Потом газеты напечатают то заявление, что вы держите сейчас в руках. Это лишь добавит неразберихи. Читатели станут спорить, где правда, а где ложь, но больше всего их заинтригует ваше исчезновение. Вам придётся спрятаться от всего этого шума. В одном из небольших городов Европы, в любом по вашему выбору, под чужим именем, вы дождётесь, пока читающей публике надоест судачить о тайне вашего побега. Конечно, от намеченного турне придётся до тех пор отказаться. Пусть они поскучают без вас. Пусть пожалеют о том, что сами своей нечуткостью и легковерием вынудили вас, талантливую женщину, скры-

ваться. Вы напишете новую книгу, опубликуете её и потрясёте мир триумфальным путешествием с лекциями о самой себе. Просто это придётся сделать немного позже. И книга будет о другом.

ГЕРТРУДА. О чём же?

МОДЛЬ. Откуда мне знать? Это вы талантливы, а не я. Но одно я знаю точно: в вашем сердце найдутся чувства, которые действительно волнуют вас, которые и есть то, что хочется поведать миру. Поведать, как мог бы это сделать единственный свидетель божественного откровения! А не доложить, как соглядатай, пишущий отчёт у замочной скважины. Простите мне мою дерзость.

ГЕРТРУДА. Тогда книги о молодости Гертруды Аренхейм создано уже никогда не будет.

МОДЛЬ (*очень мягко*). Конечно. Ради вас самой. Поймите, следуя моему совету, вы не теряете себя, а обретаете. Вы уедете, потому что ваша молодость слишком ценна, чтобы продавать её в красивом переплёте. А вовсе не потому, что вам запрещено...

ХЕЛЕНА (*перебивает негромко*). Но это так и есть, подполковник Модль. Запрещено...

МОДЛЬ. Не городите вздора, фройляйн! Разве вы не видите, что игра пошла в открытую?

ХЕЛЕНА. Это не делает вашу игру честной...

ГЕРТРУДА. Замолчите, Хелена... Замолчите... Вы не работаете больше у меня. Или нет, скажите, но только одно. Вы полагаете, что Фридрих лжёт мне?

ХЕЛЕНА (*честно задумавшись на секунду*). Нет, всё, что он сказал сейчас, — чистая правда. Пациент санатория Кли не умирал. Ложь об этом появилась в газетах не случайно, а чтобы выставить вас на посмешище. Чтоб вы из непокорной беглянки в один миг обернулись для всех жадной недалёкой наследницей. Двое мужчин сговорились об этом, потому что каждый из них по-своему любит вас, Гертруда. Ничего не поделаешь, так уж устроена мужская любовь. Запереть в клетку. Помешать быть собой. Столкнуть в пропасть, чтобы протянуть руку помощи.

ГЕРТРУДА (*растерянно*). Но мне действительно нужна помощь... Я не смогу покинуть город незамеченной. Меня всюду ждут. Меня узнают под любой вуалью. Если бы вы смогли...

ХЕЛЕНА. Я не стану помогать вам бежать от самой себя! И я не знаю, как вам помочь, если вы останетесь. Не знаю и не хочу знать. Это должно было случиться. Рано или поздно, но это должно было с вами случиться. Я не работаю больше у вас!

ГЕРТРУДА (*тихо*). Почему это должно было случиться, девочка моя? И почему ты не сказала мне этого раньше?

ХЕЛЕНА. Потому что вы слушаете только тех, кто влюблён в вас. Вы без них не можете.

ГЕРТРУДА переводит взгляд с ХЕЛЕНЫ на МОДЛЯ. Закрывает глаза ладонью и стоит несколько секунд неподвижно. Всплиывает.

ГЕРТРУДА (*сдавленно*). Извините меня, Фридрих... Я должна побыть одна...

Стремительно скрывается в спальне. ХЕЛЕНА присаживается за пустой письменный стол и бесцельно дотрагивается до клавиш печатной машинки, хотя бумаги под валиком нет. МОДЛЬ молча наблюдает за ней.

ХЕЛЕНА. Вы напрасно обсуждали планы побега в моём присутствии. В вестибюле толпится множество журналистов. А их газеты готовы заплатить немалые деньги за то, что я слышала в этой комнате за последний час.

МОДЛЬ. Возможно, я просто лучшего мнения о вас, фройляйн, нежели вы обо мне.

ХЕЛЕНА. Я говорила не лично о вас. Просто есть мужчины и есть женщины. Охотники и жертвы. Те, кто рисует на холстах, и те, кто им позирует. Мне не нравятся ни те, ни другие.

МОДЛЬ. Значит, иллюзии молодости всё-таки в прошлом? Вы больше не рвётесь в мир искусства?

ХЕЛЕНА. В этот ваш мир — нет.

МОДЛЬ. Вы надеетесь увидеть другой?

ХЕЛЕНА. Да, подполковник! Гораздо лучше учиться на чужих ошибках. Такие как я, а не такие как вы будут распоряжаться в новом мире, где не будет места любви, такой как ваша. И честности, такой как ваша.

МОДЛЬ. Другой любви и другой честности для этого мира не придумано. В мои годы я говорю об этом с уверенностью.

ХЕЛЕНА (*обводя гостиную рукой*). Вот ваша любовь! Вот там, за этой дверью, плачет женщина, ради спасения которой вы её предали и унизили! Разве вы там, рядом? Разве вы стараетесь утешить её? Вы стоите здесь и разговариваете с другой женщиной. Так вам намного лучше и проще! Вы охотник, а эта спальня — капкан, куда вы загнали свою добычу. Но ничего — слёзы кончатся. И эта женщина признает вашу победу и позволит вам себя спасти. И с этого момента добычей станете уже вы. Ведь отныне во всём, что с ней случится, вино-

ваты вы! «И в горе, и в радости, покуда смерть не разлучит вас». Аминь!

МОДЛЬ (*улыбается*). Вот вы и обвенчали нас.

ХЕЛЕНА (*опустошённо*). Мой отец умер в работном доме... Он оставил семью, когда мне было семь лет. Мы жили счастливо и богато, и тем позорнее был его внезапный побег — люди злословили, что он сошёл с ума, отказался от веры... Но я-то знала, что он любил только нас. И когда я приехала к нему, умирающему, спросила его об этом. И получила ответ: «Дочь, я потому и бросил всё, что счастье и благополучие — это всего лишь клетка. Я замучил бы вас своей любовью. А вы, вы ждали бы дня моей смерти...»

МОДЛЬ. Кем он служил?

ХЕЛЕНА. У него была шляпная лавка и два дома в Эдинбурге.

Тихий звон колокольчика.

МОДЛЬ. Посетители сейчас некстати.

ХЕЛЕНА (*бесстрастно*). Это новая секретарша Гертруды Аренхейм.

МОДЛЬ (*без особого желания поднимается с кресла*). Я выпровожу её.

ХЕЛЕНА (*указывая на дверь спальни; яростно*). Ступайте туда! Идите же, наконец, отважный офицер! А с девушкой я поговорю сама.

МОДЛЬ. Я... не вполне уверен...

ХЕЛЕНА (*насмешливо*). В ваши годы пора научиться переступать порог женской спальни! Поверьте мне. Слёзы уже иссыхают. Гертруда ждёт вашего сочувствия.

Деликатный стук в дверь. МОДЛЬ решился, распахнул дверь спальни и скрылся за ней. ХЕЛЕНА отворила дверь в коридор.

Входите, милая!

Совсем юная, одетая скромно и тщательно ДЕВУШКА входит, робко улыбаясь в ответ.

Вы пришли по объявлению, не так ли?

ДЕВУШКА. Да, мадам.

ХЕЛЕНА. Вы владеете машинописью и стенографией, говорите на европейских языках?

ДЕВУШКА. Да, мадам.

ХЕЛЕНА. Если вы приняли меня за Гертруду Аренхейм, вы ошиблись.

ДЕВУШКА. Нет, что вы! Я знаю мадам Аренхейм в лицо. Столько раз видела её портреты. Читала все её книги.

ХЕЛЕНА. Вы очень хотите получить место секретаря?

ДЕВУШКА (*простоудушно*). Ну конечно, мадам.

ХЕЛЕНА (*оглянувшись на дверь спальни*). Боюсь вас разочаровать. Но, кажется, оно уже занято.

ДЕВУШКА (*просительно*). О нет, мадам!

ХЕЛЕНА. Зачем вам оно? Вы хороши собой, образованы, живёте в красивом городе.

ДЕВУШКА. Но мне нужно уехать отсюда! Обязательно нужно! Мне уже шестнадцать, молодость так быстро пройдёт. А здесь никогда ничего не происходит! И мой отец...

ХЕЛЕНА. Ваш отец? Он не любит вас? *(ДЕВУШКА молчит.)* Кто он по профессии?

ДЕВУШКА. Он служит управляющим...

ХЕЛЕНА. Я не могу отвечать за мадам Аренхейм. Сегодня она уволила свою предыдущую секретаршу. А сейчас разговаривает... С очень вероятным претендентом на вакансию... Конечно, Гертруда всегда может передумать.

ДЕВУШКА. О, мадам! Если есть хоть какая-то возможность...

ХЕЛЕНА. Вы действительно хорошо печатаете и пишете под диктовку?

ДЕВУШКА *(с готовностью)*. Проверьте это!

ХЕЛЕНА жестом приглашает ДЕВУШКУ сесть за печатную машинку. Та устраивается несмело, с боязливым восторгом озирая стол. Ловко направляет под валик лист бумаги.

ХЕЛЕНА. Я буду диктовать вам из каталога. Абзац, кавычки, отточие. «...Изображение женщины, лежащей на булыжной мостовой, рядом с обломком античной колонны. Лицо скрыто левой стороной холста. Тело едва прикрыто одеждой, на левом запястье различимы два рубца, сходные с ударом хлыста. Цветовая гамма картины спокойная, преобладают серые тона, зеленоватая окраска булыжника и мрамора создаёт настроение забытости, бренности, тления...» Вы быстро печатаете... Что

скажете об этом абзаце?

ДЕВУШКА (*не убирая рук с клавиатуры*). «Натюрморты с битой дичью». Одна из картин. Куплена на аукционе в прошлом ноябре. Сегодня стало известно, что на ней изображена...

ХЕЛЕНА. Неплохо... С новой строки... Абзац, кавычки, отточие... (*Диктует чуть быстрее.*) «Портовые девки. Никакой визит, никакая деловая встреча не являются препятствием, если мой дорогой друг, прибыв в город, бросил взгляд на девушку, прогуливающуюся по набережной в позднее время. Он исчезнет, а мне, его секретарше, вновь придётся изобретать бесконечные выдумки о том, чем он сейчас занят и почему нужно отложить назначенные в его честь церемонии. Потому что где-то, в наспех арендованной конуре, художник предаётся страсти вдохновения. Это нелепо, это опасно, это чревато неприятностями с полицией... Но это подарит миру шедевр и округлит банковский счёт моего дорогого друга...» Вас не шокирует этот текст?

ДЕВУШКА (*завершив строчку*). Автобиография мадам Аренхейм? Эту книгу ждут.

ХЕЛЕНА. Как вы определили?

ДЕВУШКА. «Дорогой друг». Это обычное обращение в её письмах, опубликованных ранее.

ХЕЛЕНА. Неплохо. Совсем неплохо. Как вас зовут?

ДЕВУШКА. Агнес, мадам.

ХЕЛЕНА. Новый абзац, Агнес. (*Диктует на этот раз размеренно, с ударением.*) «...С горечью я узнал из сегодняшних вечерних газет о нелепых слухах. Опровергаю все эти домыслы. В настоящее время моё здоровье и будущность находятся

в руках лучших врачей. Моя болезнь — это моё личное дело, а слухи о моей смерти преувеличены. Что до соблезнований, сделанных некоей фройляйн Аренхейм, то я благодарен за беспокойство обо мне, но считаю её заявление фантазией нервной особы. Я не стою её тёплых слов и благодарностей. Я никогда не испытывал к ней никаких чувств, кроме некоторой досады. Я не намерен завещать ей ничего...» Готово? Дайте сюда бумагу, посмотрим, много ли опечаток. (*Читает и осведомляется.*) Вы обычно улавливаете смысл того, что вам диктуют?

ДЕВУШКА. Да, конечно, мадам.

Распахивается дверь спальни. На пороге ГЕРТРУДА АРЕНХЕЙМ.

ГЕРТРУДА (*удивлённо, но без тени досады*). Вы всё ещё здесь, Хелена? Нет-нет, я вас не тороплю. Кто это милое дитя?

ХЕЛЕНА. Её зовут Агнес, Гертруда. Она пришла, чтобы занять вакансию вашего секретаря. Я пыталась её отговорить, но она решила продемонстрировать свои умения, и, нужно сказать, они не разочаровывают...

ГЕРТРУДА (*ласково и грустно*). Милое дитя... Я так благодарна вам. Но планы мои меняются каждую минуту. И сейчас мне нужна помощь человека более опытного, чем вы. Фридрих!

МОДЛЬ выходит из спальни. Он старается избегать насмешливого взгляда ХЕЛЕНА.

Добрый мой Фридрих. Мне пора, меня ждут на званом ужине в ратуше. Может быть, я останусь ночевать в гостях, а может быть, если общество наскучит мне — покину их, не прощаясь. Во всяком случае, там это проще сделать, чем здесь, в отеле. А вам нужно поторопиться на вокзал.

МОДЛЬ (*опасливо покосившись на незнакомую ДЕВУШКУ*). Да, я помню. Билет второго класса?

ГЕРТРУДА. Постарайтесь, пока не тронется поезд, чтобы там не было ни одного репортёра. (*Шутливо, обращаясь к АГНЕС.*) У моего секретаря важное поручение, и мы хотим избежать газетной шумихи. Не выдавайте нас, пожалуйста.

ДЕВУШКА. Конечно, мадам.

ГЕРТРУДА. Зайдите в отель утром, я подпишу вам книгу. А теперь нам пора, Фридрих! Всего хорошего, Хелена!

ХЕЛЕНА. Доброй вам дороги.

ГЕРТРУДА взглянула на ХЕЛЕНУ по привычке строго, но тут же скрылась за дверью. МОДЛЬ задержался на мгновение, выбирая слова для прощания.

ХЕЛЕНА (*негромко, но иронично*). «У моего секретаря важное поручение». Прощайте, подполковник Модль.

МОДЛЬ. Прощайте, фройляйн Гейтс. (*Щёлкнул каблуками и тоже вышел.*)

ХЕЛЕНА. Сожалею, Агнес. Ваша вакансия закрыта.

ДЕВУШКА. Я, кажется, поняла.

ХЕЛЕНА. Там, в вестибюле, множество репортёров. Вы можете спуститься к ним и рассказать то, что, может быть, стало вам понятно. Вам заплатят неплохие деньги. Ваш портрет и ваши слова появятся в газетах всего мира. Вы, понятное дело, не затем пришли сюда. Но если, как я вижу, у вас ясный ум и твёрдый характер, почему бы не воспользоваться тем мимолётным шансом, который иногда предоставляет судьба? Ведь его вы и искали.

ДЕВУШКА (*продолжает сидеть за столом, опустив голову*). Нет, мадам.

ХЕЛЕНА (*помолчала, оценивающе глядя на девушку*). Совсем неплохо, Агнес. Что же, вы сносно печатаете, но я ещё не видела вашей стенографии. У вас при себе блокнот?

ДЕВУШКА. Да. Но для чего?

ХЕЛЕНА (*решительно*). Достаньте его. Пишите с новой строки.

«Дорогой друг!

Вам будет приятно узнать, что задуманное осуществилось в точности. Оскорбительная книга воспоминаний о вас не будет опубликована, а слухи о ней лишь послужат новому интересу публики к вашему творчеству. Подполковник Фридрих Модль выполнил ваши инструкции безупречно, но затем, как вы верно предугадали, пал жертвой собственных романтических чувств и оставил службу у вас. Что ж, он сам выбрал свою судьбу и своё наказание, а оно, как мы оба понимаем, рано или поздно настигает каждого, кто слаб.

Вы были правы, это оказалось увлекательно — тянуть за тайные нити, управляющие людьми, каждый из которых уверен в собственном превосходстве. Самоуверенность мужчины и самовлюблённость женщины в равной мере смешны и ничтожны.

Я рада за вас, дорогой друг. С того первого дня, когда вы ответили на моё письмо, я надеялась, что это произойдёт. То, что кажется вам старостью, хандрой, болезнью, — уверена, окажется лишь следствием утомительной привычки, многих лет приверженности одним и тем же близким людям. С вашей давней ревностью покончено, ибо оба они не стоят её. Увы, люди стареют, утрачивают способность видеть прекрасное

и любить. Этому неподвластны лишь избранные, лишь немногие. И только моей радостью за вас я могу оправдать ту дерзость, с которой предсказываю вам: теперь вы прервёте своё затворничество, теперь болезнь отступит, и мир увидит ваши новые творения.

Вы можете решить, что я сейчас льщу вам и тороплюсь занять освободившееся при вас место, соблазнить вас своей молодостью и красотой, сделаться вашей любовницей. Не думайте плохо про меня. С меня довольно того, что я могу начать это письмо фразой «Дорогой друг!», и того, что я произношу её искренне. Даже если ответа на своё письмо я не получу, я сочту себя вправе и впредь называть вас так. И буду ждать нашей встречи столько времени, сколько для этого понадобится.

Искренне преданная вам, Хелена Гейтс».

Ну как? Я диктую не слишком быстро?

ДЕВУШКА. Нет, мадам, я всё записала.

ХЕЛЕНА. Перепечатайте письмо на машинке и снесите на почту. Думаю, он ответит уже завтра. Возьмите на вокзале два билета до санатория Кли, для вас и меня. Если встретите на вокзале людей, которых видели в этом номере сегодня, не подавайте виду. Они предпочитают путешествовать инкогнито, пусть их.

ДЕВУШКА. Мадам, вы нанимаете меня?

ХЕЛЕНА поднимает со стола брошь, оставленную ГЕРТРУДОЙ, и прикалывает к платью.

ХЕЛЕНА. Да, если вы хотите этого. Моё имя никогда ещё не появлялось в газетах. Я выросла в Эдинбурге, в доме, очень похожем на ваш. Однажды мне повезло устроиться на работу

секретарём. И вот — мой первый трофей. *(Вдевает между яблоневых ветвей белую розу, отломанную от букета.)*

ДЕВУШКА. Мадам Гейтс. Я хотела бы занять место вашего секретаря.

ХЕЛЕНА. Я вас нанимаю. Приступайте к своим обязанностям.

Занавес